

Проект
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

ШОЗОРЫ

Валерий Пылаев
ЗАПАХ СУМРАКА



Валерий Пылаев
Запах Сумрака
Серия «Дозоры»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35256432
Запах Сумрака: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-109990-9

Аннотация

Для потерявшего семью мага-перевертыша по прозвищу Волк ссылка в далекий Саранск вдруг оборачивается возможностью, которой он ждал десять лет. Когда долг Дозорного и месть идут бок о бок, даже самый страшный враг по зубам. Охота за древним чудовищем начинается. Дорога, которой нет на карте, ведет из мордовских лесов к подножию швейцарских Альп. Но что же ждет его там, где асфальт под колесами мотоцикла сменяется синим Сумеречным мхом?

Содержание

История. Волчий след	5
Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	35
Глава 3	59
Глава 4	85
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Валерий Пылаев

Запах Сумрака

© С. Лукьяненко, 2013

© В. Пылаев, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Данный текст не имеет отношения к делу
Света.*

Ночной Дозор

*Данный текст не имеет отношения к делу
Тьмы.*

Дневной Дозор

История. Волчий след

Пролог

Хорошо, когда все знакомо. Школа номер шестнадцать. Ко второму классу Маша уже успела облазить все закоулки, которые только можно. И которые нельзя – тоже. И все равно школа не надоедала. Вот Ленке – давно надоела. Наверное, и Маше тоже когда-нибудь надоест. Но сейчас она даже жалела, что сестра утащила ее с двух последних уроков. Любимое ИЗО! Маша тоскливо хныкнула и потянулась обратно, к памятнику Христо Ботеву. Но тот даже не смотрел в ее сторону. У по колено вросшего в светло-серый камень поэта и революционера были дела поважнее. Хотя ему вряд ли бы понравилось, что две девочки прогуливают уроки в первую же неделю учебы.

– Пойдем! – Сестра дернула Машу за руку. – Классная увидит – маме расскажет.

Маша тяжело вздохнула и поплелась за Ленкой. За калитку и дальше по Ботевградской – тоже знакомой, светлой и широкой. Но сейчас не радовало даже еще теплое осеннее солнышко. И почему нужно слушаться старших? Потому что они умнее? А вот и нет. Конечно, Ленка уже взрослая – целых пятнадцать лет. Учится в десятом, а все равно глупая. И

не потому, что прогуливает. А потому, что думает, что маленькая сестра Маша ничего не понимает.

Ленка начала встречаться с Васькой Петровым еще летом. Он старше сестры почти на четыре года и бросил школу после девятого класса. Говорил, что пойдет работать, но так и не пошел. Сидит целыми днями за компьютером и режется в своих дурацких эльфов.

Маме Васька бы точно не понравился – но мама не знала. А Маша знала. И знала, зачем Ленка решила сбежать с двух последних уроков, пока Васькин отец не вернулся с работы. Знала и понимала – но маме все равно не рассказывала. Но не потому, что сестра обещала за молчание шоколадку. Просто Маше не хотелось, чтобы Ленка осталась одна, как мама. Васька, конечно, дурак, но все равно лучше, чем ничего. Когда-нибудь у них с Ленкой будут дети, и у детей будет папа. Хоть такой! А у них, у Маши и Ленки, совсем никакого не было. Не было и не будет. Маша и это прекрасно понимала, хоть ей и всего восемь лет. Дети вообще не такие глупые, какими их почему-то считают взрослые.

Петровы жили недалеко – тоже на улице Терешковой, только в другую сторону.

– Дойдешь сама? – спросила Ленка.

Маша вздохнула. Идти домой одной почему-то совсем не хотелось. И ведь не в первый раз – в прошлом году весной уже ходила. И не раз. Но сейчас не хотелось, будто бы родная улица вдруг стала чужой. Не хотелось – и все тут.

– Лен, сходи со мной? – попросила Маша. – Тебе ведь совсем быстро!

– Ну что ты капризничаешь? Большая уже. – Ленка недовольно надула губы. – Сейчас день, ничего с тобой не будет. А я тебе шоколадку принесу. М?..

– Ну ладно, – тоскливо прошептала Маша. – Пока.

Поправила рюкзачок и пошла через дорогу по переходу. По правилам – сначала посмотрела налево, потом направо. Хотя машин в такое время все равно почти не было. Хорошо, когда все знакомо. А когда крохотный парк за ржавой голубой оградой вдруг начинает казаться страшным – плохо. Что-то изменилось. Маша обернулась, пытаясь отыскать взглядом сестру, но длинноногая Ленка уже убежала слишком далеко. Не докричатся. Может, вернуться в школу? Но тогда кто-нибудь точно увидит, и Ленке попадет.

Придется все-таки идти одной. Долго звонить в дверь, а потом наврать что-нибудь бабушке. Бабушка Ира еще не такая старенькая, но все равно с памятью у нее уже совсем плохо. Она постоянно называет Машу то Леной, то Светой. Лена – сестра, а Света – мама. Ну как тут можно перепутать? Но Маша бабушку все равно любила. Бабушка разогреет вкусный борщ и через полчаса даже не вспомнит, что Маша пришла домой одна. И все будет хорошо.

Высокого худого парня в черной куртке она заметила не сразу. Тот будто бы появился на улице из ниоткуда. Не свернул с Ботевградской, не вырулил из какого-нибудь двора.

Просто появился. Он шагал следом не спеша, но Маше все равно вдруг стало страшно. Мама рассказывала, что недавно на другом конце города пропала девочка из четвертого класса. Так и не нашли – маньяки умеют хорошо прятать...

А потом рядом с парнем появилась собака. Огромная, черная и косматая. Маша на мгновение зажмурилась. Открыла глаза – и собака пропала. Но ведь была же здесь, только что! Идти с вывернутой назад шеей было ужасно неудобно, но Маша боялась хоть на мгновение отвести взгляд от странного парня, который... разговаривал с пустотой?! А потом будто бы понял, что Маша его заметила. И, уже не таясь, поднял руку и указал прямо на нее.

Асфальт больно ударил по коленкам, раздирая колготки. Маша поднялась на ноги и снова побежала. Понимала, что надо бросить рюкзак, кричать, кричать как можно громче – но почему-то не могла. Просто мчалась вперед изо всех сил. Пока не врезалась с разбегу в чей-то живот.

– Там... там, – забормотала Маша, указывая пальцем назад, – там...

– Тихо, – отозвался негромкий женский голос. – Все хорошо.

Невысокая девушка в джинсах и простой серой куртке на футболку аккуратно, но неожиданно сильно держала Машу за плечи.

– Там... – повторила Маша, с трудом заставляя себя обернуться.

Но залитая солнечным светом улица Терешковой опустела. И высокий парень, и его страшная собака исчезли, будто бы их и вовсе никогда не было. Пропали. Маша вновь посмотрела на девушку в серой куртке. Та чуть нахмурилась и как-то странно буравила взглядом пустоту перед собой.

– Уходите, – требовательно произнесла девушка. – Я запрещаю.

Маша больше ничего не услышала, но ей показалось, что пустота ответила. Коротко и недобро. И тогда девушка чуть покачала головой, вздохнула. Ее глаза вдруг на мгновение полыхнули зеленым пламенем, и воздух над асфальтом зарябил и задергался.

– Уходите.

И пустота отступила.

– Вот и все. – Девушка наклонилась к Маше. – Надо отвести тебя домой. Пойдем.

Совсем небольшого роста, ниже Ленки, хоть и старше. Наверное, ей лет двадцать – двадцать пять. Красивая. Чуть взлохмаченные волосы распущены. Не светлые, не темные. И глаза – серые и как будто чуть зеленоватые. Добрые, но почему-то очень грустные и усталые.

– Пойдем, – повторила девушка.

И тут же за ее спиной замигали огоньки – синий и красный, а потом раздался визг тормозов.

– Ночной До... – закричал было, но почему-то сразу смолк дядя Ваня. – Отойди от девочки. Два раза повторять не буду.

Дядю Ваня Маша знала давно. Он полицейский, лейтенант, несколько раз заходил в школу по своим делам. Он посадит ее в свою красивую машину с мигалками и отвезет домой к бабушке. Или к маме на работу – без разницы. Лишь бы знакомое место, знакомые люди. Хорошо.

Хорошо, когда все знакомо.

Глава 1

Два часа ночи. Серединная точка между закатом и рассветом, между вечером и утром. Во всяком случае, летом. Зимой и в родном Питере, и здесь, в Выборге, солнце почти не показывается. И даже полдень кажется скорее застрявшим в сумерках. Или в Сумраке – все серое. Только мха не хватает. Вместо него – снег, перемешанный с грязью и пропахший бензином.

Два часа ночи. Время, когда была рождена Земля – если верить древней китайской пословице. Час Быка. Или Час Демона. Второе, пожалуй, точнее. И пусть до восхода солнца осталось не так уж и много – это время никогда не будет Светлым. Пусть так – но оно может быть моим. Сейчас я вижу несколько не хуже тех, кто прошел здесь каких-то пятьдесят минут назад.

Я остановился и опустил нос в примятую траву. Оборотни. Трое. Охотятся, хоть еще и не приняли сумеречный облик – к характерному запаху вервольфа примешивался запах резины, синтетики и дешевого кожзаменителя. Обувь, штаны, куртки. Для того чтобы напасть, им придется раздеться. Как хорошо, что я избавлен от этой не самой удобной особенности низших Темных.

Я чуть оттолкнулся от земли передними лапами и выпрямился во весь рост уже в человеческом теле. Сейчас скорость

и нюх не так важны – оборотни идут на двух ногах. Куда хуже будет, если какой-нибудь запоздалый водитель выхватит светом фар трехсоткилограммовую серую тушу, крадущуюся по обочине. В Сумрак соваться пока не стоит – даже первый слой высушит меня за десять-пятнадцать минут. Обычный маг без труда мог бы подпитаться Силой, заключенной в амулете, но ничего подобного у меня не было. Только ночное зрение, слух, когти и зубы. И злоба. Очень-очень много волчьей злобы, которую я держал на привязи. Пока – держал.

Выбравшись обратно на дорогу, я перешел Батальонную и быстрым шагом двинулся в сторону парка. «Монрепо». Отличное место для ночной прогулки в выходные – если не боишься переломать ноги на узких тропинках и скалах. И даже закрытые после двадцати двух ноль-ноль в весенне-летний период железные ворота не останавливали сладкие парочки и юных любителей пива. И уж тем более семейство оборотней, вышедших на охоту.

Я увидел их, когда выглянула луна. Даже ближе, чем ожидал, – двести-триста метров дальше по улице. Три фигуры неторопливо двигались вдоль дороги. Разный рост, разная одежда – и все-таки было в них что-то общее. Обычные люди так не ходят. Быстро, размашисто, чуть нагнувшись вперед, будто готовясь в любой момент опуститься и продолжить охоту уже на четвереньках. Один – самый рослый и плечистый – вдруг обернулся. Не замедляя шага, я достал из внутреннего кармана плоскую флягу с коньяком и сделал

пару глотков. Ауру Светлого мага им не увидеть – силенок не хватит, а вот запах алкоголя учуют и за километр – ветер дул мне в спину. Я – обычный пьяница, невесть зачем решивший побродить ночью. Вряд ли жертва – они шли не за мной. Вряд ли неожиданная, но приятная добавка к ужину. Вервольфы, как и вампиры, не слишком-то жалуют плоть пьющих людей. И уж точно не угроза. Так, досадная помеха. И все же старший оборотень явно что-то заподозрил. Я прошел еще пару десятков шагов и свернул к тускло подсвеченной вывеске «24 часа». То ли изрядно разросшийся ларек, то ли крохотный магазинчик на остановке. Еще лет пять назад такие стояли чуть ли не на каждом углу, но теперь их нещадно теснили супер-, гипер- и прочие маркеты.

Немолодая продавщица скользнула по мне равнодушным взглядом и снова погрузилась в журналчик. Я украдкой прочитал заголовок. «Оборотни. Мифы или реальность?» Забавно. Рассказал бы я тебе, тетя. И мифы, и реальность, и такое, от чего седых волос на голове бы точно прибавилось. Только ведь не поверит. Все она знает – и про оборотней, которых не бывает, и про таких, как я. В смысле – полуночных пьяниц.

– Молодой человек, вам подсказать?

Ну вот, начинается. Впрочем, ее тоже можно понять. Здоровый лохматый мужик, заросший недельной щетиной. В куртке с капюшоном и широких штанах с перепачканными коленями. Плюс суровый коньячный выхлоп.

– «Честер», красный.

Я протянул сложенную вчетверо купюру.

– Красного нет. – Продащица покачала головой, а потом вдруг подалась вперед. – Молодой человек, что у вас с глазами?

Я отвернулся и рывком надвинул капюшон чуть ли не до середины лица. Неужели уже... началось? Черт.

– Вам «Скорую» вызвать?

Хорошо хоть не полицию.

– Нет, спасибо, – пробормотал я, выходя обратно на улицу.

Без сигарет. Зато с твердой уверенностью, что одним мифом про оборотней только что стало больше.

* * *

– Дисциплина. – Я сплюнул себе под ноги. – Аккуратисты, мать вашу.

Три стопки одежды лежали на камне буквально шагах в двадцати за оградой парка. Легкие летние куртки – почти одинаковые, джинсы, спортивные штаны. Шовчик к шовчику. Даже носки сложили. И обувь – тоже в ряд. Строго, будто по-военному. Три пары недорогих кроссовок.

Время утекало, как вода сквозь решето. Удивительно, что оборотни вообще смогли сохранить одежду целой – в полнолуние им всегда срывает башню. А тут еще и предвкуше-

ние охоты. Старший явно умел держать свою стаю в узде – поэтому до сих пор не попались. Но сегодня все должно закончиться. Я втянул носом воздух и перешел на бег. Прямо, не сворачивая. Для людей в парке хватало и широких дорожек, и тропок, но мне они не нужны. Мое сумеречное «Я» довольно рычало внутри.

– Потерпи, – выдохнул я. – Еще немного.

Не так просто показать Волку, кто из нас главный. Уже десять с лишним лет нам приходилось делить одну шкуру, и он до сих пор продолжал огрызаться. Особенно когда на черном небе появлялся бледно-желтый диск. Еще сотни две метров я из принципа пробежал на своих двоих, то ныряя в Сумрак, то вываливаясь обратно в обычный мир. Но потом уступил.

Как можно объяснить такое тем, кто всю жизнь живет в человеческом теле? Пожалуй, больше всего это похоже на переключение фар с ближнего на дальний свет. Только что ты видел на какие-то жалкие пять-семь метров – и вот в спину будто бы бьет прожектор, и ночь становится похожей на день, раздается во все стороны. Безмолвие наполняется тысячами звуков и запахов. Вода, трава, бензин. Цикады, птицы, железная дорога. Отсюда я слышал даже автомобили на Островной. А меня не слышал никто. Волчьи лапы ступают мягко. Легкий ветер будто бы подталкивал меня в мохнатую спину – давай быстрее. Больше чувств. Меньше сомнений и страхов.

Уже у самой кромки я замедлил бег и вновь запер Волка в двуногую оболочку. Таиться больше не было нужды. Далеко внизу и впереди по залитой лунным светом широкой тропе шагали парень и девушка. Молодые и влюбленные. Ужин. Охотники крались за ними прямо подо мной – три косматых силуэта, почти сливающиеся с тенью скалы. Я перемахнул через валун и скользнул лопатками по влажному холодному камню. Высоко, метров пять, а то и все семь. Подошвы ботинок громыхнули о землю. Тело привычно погасило инерцию, но боль все равно прокатилась от колен через позвоночник и застыла занозой в левом плече. Ничего, на мне все быстро заживает.

– Всем выйти из Сумрака!

Как много бы я дал, чтобы произнести когда-то давно заученную формулу полностью. Но теперь мне осталась только вторая ее часть. Слабая и немощная, даже не требование, не приказ. Пожелание. С которым никто уже два года не обязан был считаться. Впрочем, оборотни редко охотятся в Сумраке.

Они приняли человеческий облик почти одновременно. Но старший все-таки чуть опередил остальных и первым шагнул мне навстречу. Здоровенный мужик с наполовину поседевшей головой даже без одежды не утратил стати и выправки. Мне сразу вспомнились аккуратно сложенные на камне вещи. Неужели и правда военный?.. Вожак стаи. Отец. Не только по инициации, но и, похоже, по крови. Старший

сын выглядел слегка уменьшенной копией родителя. Младший еще не успел набрать матерости, но уже вытянулся почти с брата.

Да. Вот оно. У пацана не было регистрационной печати. Моя палочка-выручалочка. Индульгенция. Чтобы начать расследование, Дневному Дозору придется для начала признать и нелегальную инициацию, и охоту без лицензии. А в таких случаях Темные не стеснялись сдавать своих. Даже живых – а уж тем более мертвых.

– Уходи, Светлый, – прорычал отец семейства. – Никто не может запретить мне быть здесь.

– Сколько угодно. – Я развел руками в стороны. – Доброй ночи, пушистые. Я вот только не пойму – вас тут вообще сколько? Печати в Сумраке две болтаются, а тут... Раз, два... три?

– Иди проспись, – раздраженно бросил старший сын.

– Уходи, – повторил отец. – Это тебя не касается. Ты больше не дозорный.

Узнал. Сложно не узнать. Но все равно пока они видели только то, что я хотел им показать. Изгоя, заросшего щетиной пьянчугу, от которого отказались даже свои. Иного, который уже давно не мог даже поднять с земли свою истинную тень.

– Не дозорный. – Я стянул с головы капюшон. – Но сообщить о незаконной инициации – мое право. Так, Темный?

– Чего ты хочешь? – рявкнул оборотень. – Какое тебе де-

ло?

Так всегда. Презрение, непонимание. Потом – жалкая попытка торговаться.

– Сообщи в Ночной Дозор. – Я сложил руки на груди. – Проси снисхождения и суда.

– Или что?!

Первым сломался старший сын. Почти такой же сильный, как отец. Но глупый – тот, кажется, все-таки успел догадаться, что попал в ловушку. Но все равно особого выбора у них уже не оставалось. Трое на одного, вокруг – ни души. Темная августовская ночь. Парк «Монрепо». На одной чаше весов – Трибунал. На другой – насквозь провонявший дешевым алкоголем Светлый маг. Парень метнулся вперед, на ходу преобразаясь. И тогда я ударил. Без всякой магии – чуть присев, а потом резко крутанув корпусом и выбрасывая вперед руку. Мой кулак врезался оборотню в подбородок, прямо под начавшиеся меняться зубы. Хруст лопающихся позвонков еще отдавался в локте, а я уже проваливался на первый слой Сумрака. И сразу дальше – на второй. Обратни расплылись черными тенями. Массивными, грозными, но слишком медлительными и неповоротливыми. Младший пацан даже не успел перекинуться. Я только слегка мазанул его когтями по шее, отшвыривая в сторону. Чтобы встретить главного противника уже в облике Волка. Папаша-вервольф с ревом буравил Сумрак, подбираясь ко мне. Крупный – но здесь, на втором слое, я все равно почти вдвое тяжелее и сильнее.

Маги-перевертыши во многом сродни оборотням. С той только разницей, что абсолютное большинство оборотней обречено всю свою жизнь оставаться на самых низких уровнях Силы и довольствоваться лишь жалкими крохами со стола Темных магов, ведьм и Высших вампиров. Светлый перевертыш – куда более серьезная боевая единица. Все-таки полноценный маг с нестандартным, пусть не слишком богатым, но смертоносным арсеналом умений.

Я опрокинулся на землю, сменяя синий мох и пропуская вервольфа над собой. Каждое мгновение здесь высасывало из меня Силу, но ему было еще тяжелее. Он привык охотиться на беззащитных людей в обычном мире. Меня учили драться в Сумраке. После пары свирепых прыжков оборотень едва держался на лапах. Его глаза больше не сверкали яростью, а лишь тускло мерцали в серой дымке желтыми огоньками. Пора. Я навалился на него, когтями вмял голову в землю и погрузил клыки в беззащитную шею. Вервольф заскулил, последний раз дернулся и затих. Можно даже не добивать – за меня это сделает Сумрак. Я вывалился обратно в человеческий мир и кое-как поднялся на ноги. Отец вот-вот упокоится на втором слое. Старший сын лежал без движения в нескольких шагах – с переломом позвоночника не справилась даже бешеная регенерация оборотня.

Пацана я нашел сразу. Пятна крови вывели меня за поворот дороги к жиденьким кустикам.

– Требую снисхождения и суда, дозорный!

Голосок у него оказался совсем не под стать внешности. Тоненький, почти детский. Сейчас он и казался ребенком – голым, перемазанным собственной кровью и до смерти перепуганным. Я не торопясь подошел.

– Требую снисхождения и суда...

– Папа тебя многому научил, да? – Я снова потянулся за флягой. После такого всегда хотелось напиться. – Охотиться. Складывать одежду. И самое главное – что делать, если попадешься.

– Требую снисхождения и суда, дозорный!

На этот раз голос звучал еще тише. Жизнь капля за каплей уходила из оборотня. Человеческое тело куда более хрупкое, чем волчье.

– А могло бы получиться. Залечить рану, свалить все на покойного папашу, выпросить у Ночного Дозора регистрацию. И ведь дали бы. Взамен на встречные уступки от Темных, разумеется. Раз в год – лицензия. Кушал бы себе и кушал, рос бы, сил набирался. Своих бы детишек завел... Только правильно папка твой сказал. – Я присел на корточки и наклонился к самому лицу умирающего пацана. – Я больше не дозорный.

* * *

– Берлога.

Петр Валентинович высказался коротко и по существу.

Как всегда. В первую очередь я почему-то обратил внимание на щегольские остроносые ботинки. Не лакированные, но все равно ослепительно сияющие. И совершенно неуместные посреди бедлама, который я называл жилищем. Да что уж там – весь Петр Валентинович здесь казался неуместным. Аккуратно зачесанные назад седеющие волосы, очки в прямоугольной оправе и чуть рыжеватые от табака усы. Джинсы, скромный, но наверняка дорогуший ремень, рубашка в мелкую клетку и темно-синий короткий пиджак. Без галстука – кажется, это называется «современный бизнес-стиль». Вылитый руководитель среднего звена из одной из скандинавских стран. Пожалуй, так оно и было. Отчасти. Все-таки Выборг – почти Скандинавия. А уж шеф Ночного Дозора – пусть далеко не самого крупного и сильного в России – это куда серьезнее, чем какой-нибудь топ-менеджер.

– И вам добрый вечер.

Я поймал качавшуюся туда-сюда грушу и стянул перчатки. Никогда не любил, когда меня отвлекали. В последний раз это было... Что ж, похоже, очень давно – раз я даже не мог вспомнить. Повод пригласить кого-то к себе выдавался нечасто, а от случайных гостей вроде взломщиков или налоговой инспекции старый ангар на самом краю города защищали охранные заклатья. Но маги первого уровня редко ходят в гости случайно.

– Берлога, – повторил мой бывший шеф, брезгливо отодвигая ногой то ли пакет, то ли скомканную газету. – Нора.

Ты здесь вообще прибираешься?

– По мере загрязнения. – Я пожал плечами. – В среднем раз в месяц. Чаю? Кофе?

– Не думаю. – Петр Валентинович скользнул по мне глазами. – А ты не так уж и плохо выглядишь. Куда лучше, чем твое логово.

– Витамины. – Я швырнул перчатки на полку и потянулся за футболкой. – И правильное питание.

– Еще какое. – Шеф шагнул к стене и задумчиво провел кончиками пальцев по четырем бороздкам, впечатанным в железо. – Значит, все-таки занимаешься... Я-то другое слышал.

– Пьянство и женщины? – ухмыльнулся я.

– В основном – первое, не льсти себе. – Петр Валентинович прошел чуть дальше и снова огляделся по сторонам. – Слухи. Можно подумать, что без Дозора твоя жизнь...

– Скатилась в полнейшую задницу. – Я мотнул головой. – Петр Валентинович, мне, конечно, приятно...

– Три оборотня. Парк «Монрепо». – Шеф сложил руки на груди. – Полторы недели назад. Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Что ж. Рано или поздно этот день должен был наступить. И отпираться нет никакого смысла. Я неторопливо дошел до раковины и включил воду.

– Никакой шумихи – как всегда. Пара молодоженов-оборотней пропала без вести. Полгода назад. Вампир без реги-

страции убит на Думской в Питере. Три месяца назад. – Шеф развернулся на пятках и зашагал в обратную сторону. – Или были еще... случаи?

– Никто не обязан свидетельствовать против себя.

Я засунул разгоряченные от бокса ладони под ледяную струю.

– Наверное, думаешь, что ты очень умный. – Петр Валентинович уже не мог скрыть раздражения. – Изобразить алкоголика, вести свою собственную маленькую партизанскую войну против мелюзги, у которой рыльце в пуху, и не попадаться. Блеск.

– Это не проблема Ночного Дозора. – Я плеснул себе в лицо воды и закрутил кран. – Я сам по себе.

– Нет никакого сам по себе, Саша, – вздохнул Петр Валентинович. – Ты помнишь, за что я убрал тебя из своего Дозора?

– За чрезмерное служебное рвение?

– Не паясничай.

На этот раз шеф говорил куда громче. Мало что могло вывести из себя невозмутимого Петра Валентиновича. Годы, опыт и, разумеется, должность давно уже наложили на него свою печать. Никто толком не знал, откуда шефа перевели в Выборг. Поговаривали, что раньше Петр Валентинович возглавлял Дозор где-то за Уралом. Я охотно верил. Обычно спокойный и подчеркнуто вежливый шеф, культуре речи которого мог позавидовать самый коренной из всех

коренных петербуржцев, иной раз срывался. И в такие моменты я почему-то с легкостью представлял этого высокого усатого мужика не в деловом костюме, а в чем-то вроде засаленной «горки» и кирзовых сапог, воспитывающего нерадивых подчиненных витиеватыми матерными конструкциями не менее трех этажей. А то и увесистыми затрещинами. Потцовски – аккуратно, но сильно.

Видимо, на этот раз Темные не поленились накатать целую кипу кляуз. Петр Валентинович пытался сдержаться. Не вышло. В ангаре ошутимо полыхнуло Силой.

– ...твою мать, Волк! – Шеф грохнул кулаком по столу так, что вся плеяда невымытых кружек синхронно подпрыгнула и опасно сместилась к краю. – Ты понимаешь, что нам светит?

– Заявление от Дневного Дозора? – рискнул предположить я.

– Если бы так, Саша. – Шеф шумно выдохнул. – Если бы так. От Инквизиции.

– Ага. – Моя рука, тянувшаяся за полотенцем, застыла в воздухе. – Серые.

Странно. Обычно Инквизиция не интересуется такой мелочью, как развоплощение оборотней или вампиров. Впору собой гордиться.

– Серые. – Петр Валентинович уже взял себя в руки. О вспышке сейчас напоминали только донельзя хмурые брови. – Сообщение о тройном убийстве с настоящей... –

Шеф сделал паузу и подчеркнуто повторил: – Настоятельной рекомендацией проверить всех магов-перевертышей. Особенно ранее состоявших в Дозоре или числящихся в оперативном резерве. Знаешь, сколько таких в Выборге?

– Пусть вызывают на Трибунал. – Я пожал плечами. – Они напали первыми. Любой Иной имеет право защищать себя.

Шеф явно хотел что-то возразить, даже успел открыть рот – и тут же закрыл. Покачал головой.

– Дурак ты, Саша, – печально проговорил он. – Простых вещей не понимаешь. Или не видишь.

А сам Петр Валентинович видит. Конечно, видит. Интриги, провокации, сложные операции. Возможности выбить чужих. Необходимость жертвовать своими – ради Великого Дела Света. Шеф намного умнее меня. Опытнее. Наверное, это неизбежно происходит со всеми Иными, разменявшими вторую сотню лет. Однажды и я поумнею. И спокойно пройду мимо оборотня или вампира, спешащего на охоту.

– Дурак, – охотно согласился я. – И хорошо, что дурак. Умные все у вас в Дозоре.

– Дело не в том, – похоже, шеф потерял всякую надежду толковать мне что-либо и просто размышлял вслух, – что тебя обвинят в убийствах. И даже не в том, что Дневной Дозор может получить права на ответные воздействия, если тебя оправдают... Ты знаешь, где находится Саранск?

Я чуть не повесил полотенце мимо крючка. Нет, конечно, шефу не раз случалось резко менять русло разговора, но та-

кое...

– Понятия не имею, – осторожно отозвался я.

– Находится он далеко. – Петр Валентинович сам ответил на свой вопрос. – А если точнее – в Республике Мордовия. И сегодня утром я получил оттуда письмо с просьбой о помощи.

– Вы, – на всякий случай уточнил я. – Не Москва, не Питер, не... кто у них там поблизости? Именно вы. Выборгский Дозор.

– Именно я, – кивнул шеф. – На личную почту. Не служебную. Без подписи. С левого адреса.

– Это как? – Я поморщился.

– А вот так, – хмуро произнес Петр Валентинович. – Неизвестный почтовый ящик на бесплатном сервере. Однодневка. Теперь понял?

Я кивнул. Не знаю, скольким из Дозора был известен личный мейл шефа. Я в их число, разумеется, не входил.

– Естественно, я сразу же обратился к коллегам из Саранска по телефону. – Петр Валентинович извлек из внутреннего кармана пиджака сигареты. – И естественно, что никакого письма мне никто не отправлял. Хотя помощь им действительно нужна... Саш, тут можно?..

– Можно, можно. – Я махнул рукой и тоже взял со стола пачку. – И что в Саранске?

– В Саранске пропадают дети. – Петр Валентинович щелкнул зажигалкой и затянулся. – За последний месяц – четве-

ро. В возрасте от шести до одиннадцати.

– Разве это касается Дозоров?

– Возможно, нет. Но Дозоров касается подставное письмо, – отрезал Петр Валентинович. – Утечка информации.

– Допустим. – Я уселся на край стола. – Тогда я не понимаю только одного: при чем здесь я и оборотни в «Монрепо».

– При том, что пока я еще могу тебя прикрыть. – Шеф порыскал глазами в поисках пепельницы, вздохнул и демонстративно стряхнул пепел прямо на пол. – Мы будем вынуждены проверить всех, на кого укажут Инквизиция и Дневной Дозор. У тебя есть день, чтобы уехать из города. Может быть, два.

– В Саранск? – догадался я.

– Да. – Петр Валентинович кивнул. – Им действительно может понадобиться помощь, Саш.

– Надолго?

– Пока я не разберусь с Инквизицией.

Я сжал зубы. Все-таки вещи нужно называть своими именами. Для того чтобы выручить далекий саранский Дозор, существуют официальные запросы и штатные сотрудники. А что мы имеем здесь? Письмо без подписи и уволенный два года назад перевертыш. Чушь.

– Петр Валентинович, – мне почему-то стало смешно, – давайте начистоту: вам просто нужно убрать меня подальше от Инквизиции. И заодно из Выборга вообще. Мешаю?

– Мешаешь. – Шеф не стал спорить. – Но в первую оче-

редь это нужно тебе самому.

– Нет. – Я отправил окурочок в урну. – И не надо пугать меня Трибуналом.

– Развоплощение – довольно болезненная процедура, – проворчал Петр Валентинович. – Тебе вряд ли понравится.

– Честно говоря, мне все равно. – Я развел руками. – Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей.

– Откуда в тебе столько фатализма? – Шеф протяжно вздохнул. – Фатализма, злобы, хамства... как ты вообще получился Светлым?

* * *

Черт. Где-то чуть ниже левой ключицы привычно кольнуло. Хорошо меня тогда Петр Валентинович подлатал, даже шрамов не осталось. Но кое-что не исцелить и магу первого уровня. Десять с лишним лет прошло, а до сих пор иногда... накатывает. Странная штука – память. Я уже давно забыл, во что были одеты Лика и Маришка, о чем мы тогда болтали. Даже день не помню – то ли семнадцатое декабря, то ли двадцать третье. А вот вывеску ларька у «Пионерской» – помню. «Пиво. Соки. Табак». Я тогда еще удивился – чего ее на ночь не выключили, все равно ж закрыто все.

А еще помню холодный ветер. И уродливые тени, вдруг появившиеся из ниоткуда прямо посреди снежной круговерти. Огромные, длинные, тощие.

– Пап, смотри – собачки! – Маришка показала ручкой.
Без варежки. Опять потеряла...

Потом закричала Лика. И тут же что-то ударило меня в спину, швырнуло в снег. Я кое-как поднялся, метнулся вперед, размахнулся. Снова упал и снова поднялся. А потом вдруг понял, что не слышу ничего. Вообще ничего – ни криков, ни возни. Просто стою на коленях, сжимая в руке невесть откуда взявшийся обрезок стальной трубы. Самая крупная из зверюг шагнула из качающегося туда-сюда полумрака. И смотрела на меня янтарно-желтыми глазами – совсем не злобно. Внимательно и долго. Очень долго.

Пока где-то сбоку не закричали. «Ночной Дозор, всем выйти из Сумрака!» И вспышки света. Одна, другая, третья... Как фотоаппарат. Я еще подумал – журналисты, что ли? Только откуда им взяться у метро в два часа ночи? И куда пропали эти... которые волки?

Дальше помню перепуганное и бледное как мел лицо молодого парня – я тогда еще не знал, что он старше меня почти на двадцать лет. И что он Иной, я, конечно, тоже не знал. И что Иные вообще существуют – не знал. Парень вцепился мне рукой в шею, и сразу же стало тепло. Я закрыл глаза.

– Ну, ты чего, родной? Не спи. Помогай, я один не смогу!

У него тогда еще пальцы похолодели. Как ледышки стали. Он там и повалился – рядом со мной. И зашептал какую-то ерунду.

– Давай, постарайся. Смотри вниз. Видишь тень? Ви-

дишь?

Я видел. Скрюченную, темную на белом истоптанном снегу, всю в дымящихся красных сгустках, которых почему-то становилось все больше. А потом она вдруг за клубилась, поднялась от земли... или это просто я свалился в свою собственную тень?..

И все сразу стало серым.

А парень все бормотал себе под нос. Звал какого-то Петра Валентиновича...

* * *

– Извини, – шеф виновато опустил глаза. – Извини, Саш, зря я...

Я выдохнул. Не за что мне было на него обижаться. Из всей нашей конторы только Петр Валентинович и еще пара человек – точнее, Иных, – знали, как и когда меня инициировали. Зато поинтересоваться, как это из такой темной личности мог получиться Светлый маг, считал своим долгом чуть ли не каждый. И ответить мне было в общем-то нечего. Инициация – первый, второй, максимум третий вход в Су-мрак – определяет, кем станет потенциальный Иной. Какую из Великих сторон выберет. И если ты первый раз видишь свою истинную тень в страхе или гневe – тебе прямая дорога в Темные. Сам не знаю, что тогда вытащило меня на сторону Света. Страх, холод, бессильная злоба и прогрызенное чуть

ли не до самой груди плечо – куда уж тут инициироваться в Светлые маги? Можно сказать, феномен.

– Ничего. – Я чуть наклонил голову вправо. Так было проще терпеть боль. – Наверное, когда-нибудь привыкну.

– Нет, – шеф возвысил голос, – не привыкнешь. Но все равно надо жить дальше. Или хотя бы не пытаться угробить себя при каждом удобном случае.

– Это не так просто сделать, – усмехнулся я. – Некоторые пробовали.

– Послушай! – Петр Валентинович подошел вплотную и взял меня за плечи. – Ты мне нужен живым. Хотя бы в Саранске. Пусть не для тебя самого – для меня, если тебе так больше нравится. Считай это личной просьбой.

Я медленно кивнул. Шеф всегда делал все правильно. Когда исцелил. Когда собрал по кусочкам. Не только разодранное в клочья плечо, но и самого меня. То, что называлось Сашей Шаровым, разваливалось на части, расползлось по швам, и в образовавшие прорехи рвался Волк. Шеф терпеливо выслушивал мой пьяный бред, вытаскивал за шиворот на улицу и окунал лицом в колючий январский снег. Раз за разом подбирал меня, засыпавшего черт знает где и ползавшего по квартире на четвереньках – почему-то собственный рост казался мне страшным, словно я разучился ходить на двух ногах и старался держаться поближе к твердой и надежной земле. Шеф был рядом, когда я первый раз перекинулся – с кровью, с болью, переламывая собственные кости и за-

ново выстраивая из них новое чужое тело почти втрое больше собственного. Когда крушил мебель и когтями высекал из стен бетонную крошку. Когда кое-как смог даже не усмирить, скорее – договориться с Волком.

Шеф делал все правильно. Когда отпустил учиться в московский Дозор в начале девяносто девятого. Когда разрешил остаться в Питере. Когда принял меня в выборгский Дозор. И даже когда уволил. И сейчас. Десять с лишним лет он не давал мне свернуть шею или окончательно превратиться в животное. Ничтожный срок для Иного. Не так уж мало для человека. Старые знакомые из той, обычной жизни один за другим растворились в серой дымке прошлого, так похожей на Сумрак. Кто-то навсегда уехал из страны, кто-то перебрался в Москву, а о ком-то уже давно напоминали лишь безликие имена в телефонной книге мобильного. У меня не было друзей. Но долги у меня еще оставались.

– Значит, Саранск, – выдохнул я. Боль в плече понемногу отступала. – Что-нибудь еще? Детали?

– Никаких деталей. – Петр Валентинович покачал головой. – Прибыть на место. Отметиться. Смотреть, наблюдать, разузнавать, если что – докладывать мне и только мне.

– Сидеть, молчать и ни во что не встречать? – Я поднялся на ноги. – Так?

– Именно. – Петр Валентинович старательно игнорировал мои подначки. – Но если ты опять... я тебя вот этими руками лично придушу. Ты меня понял?

– Так точно.

Я отвернулся и полез в ящик стола.

– Все, разговор окончен? – усмехнулся Петр Валентинович. – Злишься?

– Светлые маги не злятся, – огрызнулся я. – Собираюсь.

Утром выезжать.

– Саша, не надо думать, что я просто хочу прогнать тебя куда подальше.

– Но именно этого вы и хотите.

– Но не только этого! – Шеф поймал меня за локоть. – Сейчас ты нужнее там, в Саранске. Пусть и не как дозорный.

– А как кто?

Я с грохотом задвинул ящик на место.

– Ну... – Петр Валентинович на мгновение задумался. – Назовем это «внештатный сотрудник». Так что за командировочные не беспокойся. Выпишем.

– Неслыханная щедрость.

Я крутанул на пальце брелок с ключами и неторопливо прошел в угол ангара. Мне предстояла долгая дорога. В первый раз за последние два года... Что ж, хорошо. Пожалуй, только ради этого уже стоило съездить в Саранск. Я стянул и бросил на пол брезентовый чехол.

– Саша! – Петр Валентинович закашлялся. – Однако. Честно говоря, я думал, ты давно уже его...

– Пропил? – рассмеялся я. – Нет. Ни за что на свете.

Хромированные детали приветливо блеснули в тусклом

свете. Я аккуратно провел ладонью по рулю. Металл ответил едва ощутимой вибрацией.

Преданный зверь все-таки дождался своего часа.

Глава 2

Хищные сдвоенные фары мелькнули в левом зеркале. Мелькнули и тут же пропали – машина пошла на обгон. Я скопился на спидометр. Стрелка слегка переваливала за восемьдесят. Миль. Тех самых, американских. В пересчете на отечественные километры в час – что-то около ста тридцати. Не так уж и много для импортной железной коробки с мощным двигателем, умными тормозами и навороченной системой подушек безопасности. Куда больше для девятилетнего «японца», не оснащенного даже ветровым стеклом.

Джип пролетел слева, и упругий поток воздуха мягко толкнул меня в плечо. «Ямаха» послушно качнулась и ушла чуть ближе к обочине.

– Зараза, – выругался я себе под нос, возвращая мотоцикл на середину полосы. – Куда ж ты так торопишься?

В больницу к жене, родившей раньше положенного срока? К умирающей в далеком Саранске старушке-матери? Нет, едва ли. Я на мгновение прикрыл глаза и потянулся сквозь Сумрак к водителю.

Совсем молодой парень, лет двадцать – двадцать пять. В его ауре не было и следа тревоги. Только усталость и легкое раздражение неприятно мерцали в клубящейся серой дымке Сумрака желтовато-зелеными тусклыми огоньками. Он мчался сквозь темноту не потому, что куда-то спешил. Про-

сто мощный двигатель позволял ехать куда быстрее меня – вот и все. И парень гнал дорогущую иномарку, купленную за родительские деньги. Гнал так, будто бы всерьез собрался жить вечно. Так, будто это он, а не я мог просмотреть линии вероятности. Или увидеть на встречной полосе набитую под завязку китайским ширпотребом фуру до того, как она вынырнет из-за поворота. Или хотя бы нырнуть в спасительный Сумрак, если столкновение станет неизбежным.

Вот только ничего из этого парень не умел. Ни малейшего потенциала Иного. И проживет он обычную человеческую жизнь. Скорее всего, довольно короткую. Я выдохнул сквозь зубы. Вот что, что делать с такими юными шумахерами на папиных крутых тачках? Реморализовать? Коснуться Силой слабого человеческого сознания, подсказать, убедить, заставить перестать вдавливать педаль газа в пол... Воздействие седьмого уровня. И жалоба от Дневного Дозора – конечно, если на пути у парня попадет достаточно дотошный и способный Темный. Или выкрутить ручку до отказа, догнать, прижать к обочине, вытащить из машины и просто набить морду? Чтобы неповадно было. Обычная разборка на дороге – ни Дозоров, ни Света, ни Тьмы, ни Великого Договора это не касается... Нет, куда там – красные глаза габаритных огней уже таяли в утренней влажной дымке в паре километров впереди.

Я снова глянул на спидометр. Почти сто миль в час. Плохо. Да, я могу вести «Ямаху» даже с закрытыми глазами и

почувствую любую неисправность задолго до того, как застучит двигатель или взорвется колесо. Но с такой скоростью шутить не стоит – случись что, не спасет ни бронированная мотоциклетная куртка, ни регенерация Иного-перевертыша.

Все-таки погнался. За кем? За чем? Или вернее будет сказать – от чего?

Девяносто. Восемьдесят. Шестьдесят. Сорок... Все, хватит. Я свернул на обочину и остановился. Привычным движением щелкнул кнопкой на руле. И тут же навалилась тишина – тяжелая, звенящая. Непривычная. Так всегда бывает после долгой поездки. Через сотню километров рев литрового двигателя перестает бить по ушам. А через триста его уже и вовсе не замечаешь. Но стоит заглушить – и шумом начинает казаться уже тишина. Уж чего-чего, а тишины в глухих мордовских лесах должно хватать в избытке. И хорошо. Сейчас именно ее-то мне и надо.

Я стащил с головы шлем и чуть наклонил зеркало на руле. Густая щетина. Растрепанные темные волосы, слегка взмокшие под шлемом – ночи в сентябре еще теплые. Совершенно обычное лицо мужика лет тридцати. Обычное – если не считать янтарно-желтых глаз, поблескивающих в скупом свете диодных лампочек.

– Отлично. – Я тряхнул головой. – Не хватало еще на луну завывать. Тоже мне Светлый маг...

Значит, я уже готов перекинуться, принять сумеречный облик. Драться. Но с кем? Неужели с молодым парнем, води-

телем джипа, который даже не помешал мне ехать – просто обогнал и умчался прочь. Разве что превышая скорость... раза этак в два.

– Хватит! – Я погрозил пальцем своему недоброму отражению. – Ты чего это?

Действительно, чего? Что творится с тобой, Волк, Александр Шаров, одна тысяча девятьсот семьдесят первого года рождения, Светлый маг-перевертыш четвертого уровня, бывший оперативник Ночного Дозора города Выборга Ленинградской области? Себя не обманешь. Я злился, и злился сильно. Только не на бестолкового малолетнего гонщика. Вернее, на него тоже. А еще – на шефа. На Дозор. На весь мир и на себя в том числе. А с таким настроем за руль садиться нельзя. Позади осталась тысяча с лишним километров. Впереди – совсем немного. Самое время выдохнуть, покурить и расслабиться. Дать остыть – и измученному «ямаховскому» мотору, и себе. Все равно от того, что случилось почти сутки назад, как ни гони, не уедешь.

В паре-тройке сотен метров впереди около дороги светились крупные красные цифры. Заправка. И скорее всего придорожное кафе по совместительству. После второй сигареты меня немного отпустило, и организм начал настойчиво требовать своего. Еды. Не один год у меня ушел на то, чтобы научиться контролировать трансформацию. Но даже сейчас я иногда оказывался на самой тонкой грани, отделявшей человека от трехсоткилограммовой зубастой зверюги. Силь-

ные эмоции – злость или страх – пробуждали мое звериное «Я», но за немислимые даже в человеческом облике рефлекс и восприятие приходилось расплачиваться бешеным аппетитом. И не самыми приятными ощущениями. Сейчас даже ссылка в Саранск отступила на второй план, и все мои мысли занимало что-то вроде огромного гамбургера с тремя сочными котлетами. Можно даже сырыми...

– Успокойся, – проворчал я. – Человек-волк, блин...

Не знаю, откуда у меня взялась привычка в таких случаях разговаривать с самим собой. Наверное, я так пытался командовать ворочавшимся внутри Волком. Или просто желал убедиться, что мой рот все еще исторгает из себя человеческую речь, а не глухое рычание.

Надевал шлем, заводил мотоцикл и подкатывал к заправке я нарочито медленно.

– Третья колонка, – пробурчал я, расстегивая ворот куртки. – Девяносто второго на двести.

– Хорошо, – сонно отозвалась девушка в форменной голубой рубашке с короткими рукавами. – Кофе, чай?

Оксана. Бейджик я без труда разглядел еще от самого порога.

– Литр колы. – Я полез во внутренний карман. – И двойной гамбургер.

– Сыр добавить? – так же вяло поинтересовалась Оксана, но потом вдруг наклонилась вперед, едва не выпрыгнув из-за стойки. – Ой... а это у вас линзы такие? Классные! Где

купить можно?

– Такие не купишь. Но можно получить бесплатно. Только это бесплатно – на самом деле очень дорого.

Негромкий мужской голос прозвучал у меня за спиной. Холодный – ни малейшей эмоции, будто бы серый. Такой мало бы кому понравился. Но мне куда меньше понравилось то, что еще мгновение назад на заправке, кроме меня и Оксаны, никого не было. И дверь не открывалась. Значит... Оборачиваясь, я успел краем глаза увидеть, как Оксана заторможенно кивнула и словно сомнамбула шагнула к холодильнику. Не иначе как за моими котлетами.

– Удивительное дело. – Невысокий мужик отхлебнул кофе и поставил дымящийся картонный стаканчик обратно на стол. – Еще лет сто-двести назад такая девчонка от страха бы в штаны наделала. А теперь – где линзы купить...

Бывают люди с совершенно незапоминающейся внешностью. Таких, как этот мужик, в Питере можно встретить даже не тысячи – десятки и сотни тысяч. Обычные темно-синие джинсы, обычные осенние ботинки, обычная короткая черная куртка из гладкого синтетического материала. Средний рост, среднее телосложение – все среднее. Средний мужик. Серый. Пока не посмотришь ему в глаза.

Что-то внутри, в животе, сжалось в тугую клубок и похолодело. Не от страха, нет. Хотя этого человека... этого Иного, пожалуй, стоило бы опасаться. Из близко посаженных серых глаз на меня бесстрастно смотрела ледяная и бездушная

вечность. Невыразительный Инквизитор в дешевой одежде с рынка был старше Петра Валентиновича, старше самого Гесера. Старше египетских пирамид. Не исключено, что вместе взятых. Хена считался одним из древнейших Иных в мире. Одним из древнейших оборотней, если быть точнее.

Те, кто занимается изучением низших Темных, до сих пор не могут сойтись во мнении, могут ли оборотни достигать высоких уровней Силы подобно магам, ведьмам и вампирам. С одной стороны, их способности в управлении чистой магической энергией в абсолютном большинстве случаев невелики. С другой – сильный и, что куда важнее, опытный оборотень может стать серьезным противником даже для мага вне категорий. И хрестоматийный пример как раз такой древней твари неторопливо потягивал кофе за высоким круглым столиком в нескольких шагах передо мной. Так что если кого-то и можно было называть Высшим оборотнем, то именно Хену. В свое время в школе при московском Дозоре его приводили как пример долголетия Иных, но лично встречаться со Старшим мне еще не приходилось. И вот он здесь, на затерянной в лесах где-то на подступах к Саранску заправке. Случайно? Нет, верить в такие совпадения было бы попросту глупо.

– Здравствуй, Хена.

Я чуть склонил голову в знак приветствия. А еще – чтобы взглянуть на свою тень. В случае чего попробую нырнуть на второй слой Сумрака. Глупо, конечно, но все-таки...

– Хена не враг тебе. – Инквизитор изобразил на лице что-то, что при желании можно было назвать улыбкой. – Хотя ты и убил многих из нас. Почему?

– Ты знаешь.

Конечно, он заметил, как я пытаюсь хоть краешком глаза зацепить тень. Куда мне обмануть этого мастодонта. И конечно же, он знал про меня. Если не все, то уж точно достаточно. И я не собирался оправдываться. Выдержать взгляд древнего чудовища оказалось непросто, но иначе нельзя. Хищники куда охотнее нападают на тех, кто пытается сбежать.

– Верно. – Хена удовлетворенно кивнул. – Ты сильный. Это хорошо.

– Для чего? – осторожно поинтересовался я. – Или... для кого?

– Для всех, – коротко ответил оборотень. – Будь осторожен, Волк. И постарайся больше не делать ошибок. Не спеши.

– Это предупреждение или угроза?

Не было у него причин обо мне заботиться. Ни единой. А вот причины иметь на меня зуб быть вполне могли. Все-таки оборотень остается оборотнем, даже надев серый плащ Инквизитора.

– Это ты уж сам решай, – усмехнулся Хена. – Удачной охоты, Волк.

И исчез. Не ушел в Сумрак – там бы я его почувствовал.

Именно исчез, будто бы его тут и вовсе не было. Остался только стаканчик, над которым до сих пор поднимался пар. Я шагнул к столу и протянул руку. Картон еще горячий, запах кофе есть... Что ж, по крайней мере – не галлюцинация и не иллюзия. Древний, как сама человеческая цивилизация, Инквизитор-оборотень Хена действительно был здесь во плоти, чтобы... Чтобы что? Здесь мысли упирались в тупик.

– Ваш гамбургер...

Оксана. Я уже совсем успел забыть – и про нее, и про то, что хотел есть. Я молча принял из рук девушки горячий сверток. Она до сих пор двигалась как-то странно. Естественно, но будто бы чуть заторможенно. И явно не помнила ничего из того, что только что тут происходило. Хена подправил ей память – походя, даже не отвлекаясь от разговора со мной. Я бы, например, так не смог. Петр Валентинович? Тоже не факт. Да уж, ничего мы не знаем об оборотнях. Ничего. Одни вопросы и никаких ответов. Что же остается делать в подобной ситуации? Правильно. Перекусить.

* * *

Саранск встретил меня неожиданно хорошей для сентября погодой. Тепло и как будто бы даже сухо, на небе ни облачка. На деревьях, густо растущих вдоль дороги, почти не виднелось желтых листьев. Самое настоящее мордовское лето. Лето в деревне – назвать Саранск городом пока не полу-

чалось. То справа, то слева среди молодых березок мелькали редкие небольшие постройки, словно бесконечные поля никак не хотели сдаваться и уступить место цивилизации. За небольшой деревянной церквушкой дома выстроились в ряд, один за одним – но так и остались приземистыми. Один, максимум два этажа. Узкая дорога неторопливо вилась между ними, будто бы упрашивала скинуть газ. То ли для того, чтобы не намотать на колесо чью-нибудь незадачливую домашнюю живность, то ли потому, что ездить быстро здесь просто не принято. Я обогнал трактор и замедлил ход. За спиной осталось почти полторы тысячи километров, и торопиться мне уже некуда.

Я поднял запыленное забрало шлема, и в лицо мне ударил теплый ветер. И запахи. Много-много запахов, из которых я едва ли смог узнать половину. Ни в Питере, ни в Выборге таких не было. Наверное, стоило остановиться и пощупать город в Сумраке... но пока не хотелось. Я и так ощущал, чувял достаточно. Тихо и спокойно. Светлый город, чуть сонный и неторопливый. Маленький, в таких всегда все знают всех... или почти всех. Неудивительно, что местные дозорные совсем расслабились и при первом мало-мальски серьезном случае попросили помощи. Что ж, помощь уже здесь, на подходе. Распугивает прохожих рокотом работающего на малых оборотах «ямаховского» движка. Конечно, маг-перевертыш четвертого уровня – это не такая уж и грозная сила, но по местным меркам, пожалуй, неплохо. Справлюсь. Кто

бы ни хватал тех детишек – хоть Темный Иной, хоть обычный человек, – найду и отгрызу голову. Что бы там ни говорил Петр Валентинович.

Настроение постепенно улучшалось. Пусть «внештатный сотрудник», пусть у черта на рогах. Зато настоящая работа. Не могло в таком месте быть Зла, которое окажется мне не по зубам. Вряд ли я застряну здесь так уж надолго. А шеф тем временем как-нибудь отобьется от Инквизиции. И я смогу вернуться обратно в Выборг. И – а чем черт не шутит? – даже в Дозор.

Навстречу вдоль дороги шагали мальчишка лет десяти-двенадцати и невысокая полная женщина в темно-зеленом платье. Наверное, мать. Завидев меня, пацан вцепился в ее руку и что-то затараторил. Я усмехнулся, зажал сцепление и пару раз крутанул ручку газа, наполняя окрестности оглушительным ревом. Мальчишка радостно завопил, а мать покачала головой, провожая меня неодобрительным взглядом. Да ладно тебе, тетя. Мальчишкам должны нравиться большие рычащие железки. Опасное развлечение? Возражаю. Не опаснее интернета и современных телеканалов.

Когда домики чуть расступились и дорога пошла чуть вниз, я снова разогнался. Нет, все-таки город. Девятиэтажные новостройки будто бы выросли из-под земли прямо за скромной табличкой «САРАНСК». Выросли – чтобы снова уступить место деревянным и кирпичным полуросликам через какие-то пару километров. Ближе к центру здания повы-

ше снова появились, но общего впечатления Саранск так и не изменил. Весь он был приземистый, крохотный и как будто игрушечный. Аккуратный и зеленый, уменьшенная в высоту копия какого-нибудь спального района родного Питера. Навигатор уверенно вел меня по улице Полежаева. Я посмотрел на часы. Восемь часов и восемь минут. Пожалуй, рановато... да и куда? Почти никакой информации по Ночному Дозору Саранска у меня не было. Только имена и телефоны. Что же за бардак тут творится, что даже Петр Валентинович не смог выяснить, где конкретно у местного Дозора офис?

Я свернул направо с Полежаева и остановился у круглосучного магазинчика с архаично-советским названием «Товарищ». Купил литровую бутылку кефира и пару булочек местного производства. Выпечка саранского хлебокомбината мало чем отличалась от питерской. В меру съедобная, в меру черствая – такая, какая и должна лежать на полке магазинчика калибра «24 часа». В этом плане подобные заведения одинаковы везде – что на окраинах Питера, что здесь, что в каком-нибудь совсем крохотном городишке. Отличия могут быть только в цене, и в этом плане меня порадовал местный кефир. Не только недорогой, но и по-настоящему вкусный. Нет, в плане еды я совершенно не эстет, но все же даже наскоро перекусывать куда приятнее чем-нибудь... ну, скажем так, качественным. Кефир, простенькая выпечка, едва слышное потрескивание остывающего мотора и солнце, отражающееся в окнах девятиэтажки. Провинциальная

идиллия – завтрак дозорного.

– Девушка! – раздался за спиной напористый мужской голос. – Девушка, вы куда торопитесь? Вашей маме зять не нужен?

Обращались, ясное дело, не ко мне. Заросший щетиной тип в байкерской броне, лениво развалившийся на бензобаке «ямаховского» круизера с бутылкой кефира, вряд ли похож на девушку. Даже со спины. И я уж точно никуда не торопился. А вот та, к кому обращался любитель уличных знакомств, торопилась. И маме ее зять был не нужен.

– Отстань, – отозвалась она. – Давай потом, опаздываю.

Я вздохнул, вернул тело в вертикальное положение и развернулся. Конечно, воспитывать местных гопников в обязанности дозорного не входит, но мужик я или нет, в конце-то концов?

Угадал. Лучшего слова, чем гопники, для обозначения невесть откуда появившихся перед «Товарищем» персонажей попросту не существовало. Я бы не сильно удивился, увидев безразмерные кожаные куртки, спортивные штаны с полосками и лакированные длинноносые ботинки, но все-таки откровенно шутовской облик «четкого пацана» ушел в прошлое даже здесь, в провинции. Представители местной прямоходящей фауны ботинки предпочитали самые обыкновенные – один даже был в кроссовках, – синюю джинсу и темные короткие куртки. Кожаная была только у самого старшего и плечистого, остальные трое носили что-то попр-

ще и подешевле.

На первый взгляд, обычные в общем-то ребята. Даже в Питере еще изредка можно встретить такие компании. Дурные, вечно подогретые пивом из пластиковой тары, дымящие дешевыми сигаретами, задиристые, но в целом безвредные. Но в этих чувствовалось что-то другое. Какая-то особенная агрессивность, слаженность, что ли... Как стая. Почти одинаковая одежда, наверняка купленная на одном рынке без какой-либо предварительной договоренности и в разное время. Они даже двигались почти одинаково. Даже стояли – расслабленно, руки по карманам. Только здоровый парень в кожаной куртке широко расставил ноги и перегородил дорогу высокой девушке с рыжими волосами, убранными в хвост.

– Работа не волк, – вкрадчиво произнес он. – В лес не убежит.

Волк. Вспомнили про Волка – какое совпадение.

– Уважаемые, – негромко произнес я, – попрошу без рук. Некрасиво. А девушка опаздывает.

Я не мастер болтать. Да и нарываться на мордобой в мои планы пока не входило. В любом случае главную задачу я выполнил – парни тут же забыли про девушку и переключились на меня.

– Дядя, ты чего, не местный? – поинтересовался самый мелкий из них.

Да уж, для него я в свои с виду тридцать и правда дядя.

Невысокий молоденький парнишка тем не менее вид принял вызывающий и почти грозный. Жиденькие рыжие усики, веснушки и солидный набор подростковых прыщей. Забавно? Пожалуй. Только смеяться уже совершенно не хотелось. Проклиная себя за недалёковидность, я посмотрел через Сумрак почти в то же мгновение, как ощутил слабенькое дуновение Силы.

Стая. Не случайно мне пришло на ум это слово, совсем не случайно. Не компания, не тусовка, не банда и даже не набившая оскомину бригада – именно стая. Четыре оборотня. Все с регистрационными печатями. Трое совсем слабенькие, молодые, а вот в ауре бугая в кожанке проскакивало что-то серьёзное. Похоже, он-то меня и прощупывал. И прощупывал удачно. Не нарывался – все-таки я посильнее даже его. Наверное, посильнее... Не так уж и хорошо я разбирался в по-настоящему опасных оборотнях. Глупо попадается дозорным обычно молодняк вроде веснушчатого обладателя рыжих усиков. Но и он – Иной. Пусть шестого-седьмого уровня, но зато нечеловечески проворный и сильный вервольф. И всего их четверо.

– Мужик, ты тут проездом, – полуутвердительно проворчал другой оборотень. – Вот и ехал бы ты... подальше. Не видишь – человек с девушкой разговаривает.

– Человек? – усмехнулся я. – Девушка возражает.

– Девушка возражает, – без заминки подтвердила рыжая незнакомка.

Молодец. И ведь не боится совсем, по ауре видно. Тревога, недовольство, легкое раздражение – и все. Смелая. Или у нее в странной прямоугольной сумке для таких случаев кирпич припасен?

– Тихо, мужики. – Старший оборотень в кожанке чуть подался вперед. – Ты здесь так или... по делу?

Плохо. Этот не шпана. Из глаз высокого и широкоплечего мужчины – моего ровесника или чуть моложе – с приятным открытым лицом на меня смотрела старая и очень опасная зверюга. Оборотень был готов драться. Но и я тоже. Сила собралась на кончиках пальцев, словно упрашивая пустить ее в ход. Самое простенькое, базовое заклинание из арсенала перевертышей ускорит мои движения до немыслимых пределов. Простой маг, какой бы Силой он ни обладал, за мной не угонится – такие перегрузки не выдержат ни мускулатура, ни кости. Даже не нужно перевоплощаться – это драгоценные доли секунды. Сначала нож. Неизменный атрибут любого мотоциклиста покоился у меня на кармане на прищепке. Двести-триста граммов острого металла, пущенные рукой перевертыша, пробьют и кожаную куртку старшего оборотня, и мускулы, и ребра. И сердце или легкое. Если повезет. Конечно, убить матерого вервольфа так не получится. А вот вывести самого опасного противника из строя на минуту или полторы – вполне. Второго я попробую убить быстрее, чем он перекинется. А двое оставшихся мне не соперники – хоть в сумеречном облике, хоть в человеческом. Шан-

сы? Честно говоря, хреновые. Но есть. И старший из оборотней это понимает. Да и не было у нас причин серьезно сцепиться. Пока не было. Вервольф внимательно рассматривал меня, но и только. Несколько раз я ощутил неловкое касание его Силы.

– По делу, – негромко произнес я, не отводя взгляда. – Возможно, надолго. Возможно, нет.

– Ну, тогда, как говорится, добро пожаловать! – Оборотень вдруг широко улыбнулся, шагнул ко мне и вытянул вперед руку. – Вадим.

– Очень приятно.

Я чуть склонил голову, но от рукопожатия, понятное дело, воздержался. Как и от того, чтобы представиться. Вадим немного подождал от меня хоть какой-то ответной любезности, но потом тряхнул головой и усмехнулся.

– Ершистый ты, – добродушно проговорил он. – И зря. Я тебе зла не желаю. Сразу видно, мужик хороший. Свой.

Свой? Для Темного Иного, оборотня – свой? Похоже, такое заявление удивило не меня одного. Оставшиеся твоё вервольфов недоумевающее переглядывались, но молчали. А Вадим продолжал радостно скалиться, словно узнал во мне пропавшего давным-давно родственника... или действительно увидел что-то, понятное ему одному? Добродушная улыбка легко бы обманула обычного человека, но даже мое чутьё Иного не замечало подвоха. Вадим не врал – или по меньшей мере сам искренне верил в свои слова.

– Заходи к нам в гаражи, – продолжил он. – Тут недалеко, на Терешковой, спроси – меня там все знают. Посидим, пивка выпьем, если надо – технику твою посмотрим. «Харлей»?

– «Ямаха», – автоматически поправил я.

– «Японец». – Вадим понимающе кивнул. – Уважаю. Ну ладно, бывай, брат, еще увидимся.

Брат. Не «братан» – привет из лихих девяностых. Именно брат. Из уст оборотня. Низшего Темного, для которого узы крови не были пустым звуком. Сказать, что я удивился, было бы явно недостаточно. Тут другое слово нужно. Подозреваю, что слегка покачивающиеся от совершенно одинаковой походки спины оборотней я провожал глазами размерами по юбилейные десять рублей. С изображением Саранска на стороне «орла».

– Ты его видел раньше?

Девушка с рыжими волосами никуда не делась. Надо же. Могла ведь по-тихому удалиться, не дожидаясь, пока местные то ли бандиты, то ли – как это принято называть в наше время – частные предприниматели начнут вышибать дух из незадачливого мотоциклиста, полезшего не в свое дело. Могла – но осталась. И это хорошо, правильно. А еще правильнее, что стояла молча, не лезла. Любое лишнее слово – и все. Не менее трех трупов, и с вероятностью процентов семьдесят один из них мой.

– Не видел. – Я покачал головой. – А ты?

– Встречала пару раз. – Девушка подошла чуть ближе. –

Вадим Алексеев, свой шиномонтаж и мастерская. Предприниматель. Официально. На самом деле... сам понимаешь.

Я молча кивнул. В честного предпринимателя мне верилось слабо. А уж в честного предпринимателя-оборотня...

– Лиса, – произнесла девушка и протянула мне руку.

А, это она так представляется. Ну, Лиса так Лиса. Я только сейчас как следует рассмотрел ее. Прямоугольная сумка оказалась фотоаппаратным футляром с надписью «Canon». Голубые глаза, узкие черные джинсы, куртка то ли из кожи, то ли из заменителя, но не дешевая с рынка. Не крутой бренд, но явно выбиралась не торопясь, с умом. Под курткой – свободная футболка с изображением... лисы, понятное дело, кого же еще. Как говорится, попробуйте встретить рыжую девушку, не ассоциирующую себя с... Забавно. А вот аккуратный маникюр и крепкое рукопожатие мне понравились. От Лисы веяло чем-то нездешним. Но при этом знакомым и родным. Совпадение? Нет, так не бывает.

– Саша, – представился я. – Земляк из Петербурга. Какими судьбами?

– Ой! – Брови Лисы удивленно поползли вверх. – Телепатия в действии.

Не испугалась, конечно же. Но все-таки осторожно потянула руку, освобождаясь из моих пальцев. Я не отказал себе в удовольствии придержать ее чуть дольше, чем следовало – маленькое и вполне простительное хулиганство.

– Сильно опаздываешь? – поинтересовался я. – Могу под-

бросить.

– У тебя нет второго шлема. – Лиса улыбнулась и перехватила сумку с фотоаппаратом. – Думаю, на сегодня добрых дел хватит. Пока, Саша. Может, еще увидимся.

В этом я почему-то уже не сомневался. Странные события и встречи явно не собирались заканчиваться. Лисичка убежала, хвостиком махнула... Интересная девчонка. С характером. Я покачал головой и полез в карман за телефоном. Первым делом – самолеты, а девушки... В конце концов, я здесь не за этим.

В мою телефонную книжку Петр Валентинович забил всего два местных номера. Василий Семенович – вероятнее всего, шеф саранского Дозора. И Иван. Без отчества. Это как-то сразу к себе располагало. Недолго думая, я ткнул вызов.

– Макаров слушает, – буркнул недовольный голос на том конце провода.

Как я и ожидал – ровесник. Может, даже чуть младше. По голосу. Впрочем, ничто не мешало загадочному Ивану оказаться великовозрастным магом вроде того же Петра Валентиновича.

– Иван? – на всякий случай уточнил я. – Александр Шаров. Можно Саша. Можно Волк. Кавалерия из Выборга.

– А-а-а... – озадаченно протянул Иван. – Уже здесь, значит? Тебя забрать надо?

– На колесах. – Я включил зажигание. – Куда ехать?

– Что же с тобой делать-то, Волк?.. – Судя по интонации,

появлению в Саранске усиления в виде меня были не рады. От слова «совсем». Скорее даже наоборот. – Ладно. Где полиция – знаешь? Степана Разина, тридцать семь.

– Найду. – Я потянулся к навигатору. – Скоро буду.

– Ага, – тоскливо отозвался Иван. – Я снаружи подожду.

Не промахнешься.

Все интереснее и интереснее. Похоже, меня здесь... не то чтобы не ждали. Ждали, знали. Но до самого конца надеялись, что ненужная помощь из Ленинградской области задержится, застрянет где-нибудь по дороге, а то и вовсе развернется на полпути и уедет обратно. Честно – да я бы с радостью! Но приказы, как известно, не обсуждаются. Так что придется тебе, Иван, меня любить и жаловать.

Дороги до отделения навигатор насчитал семь минут. Я добрался за четыре. Лихо развернулся и воткнул «Ямаху» между двумя патрульными машинами. И уже только стаскивая шлем, догадался посмотреть сквозь Сумрак на недовольно сощурившегося полицейского.

– Так и знал, что это ты, – вздохнул он. – У нас такой техники почти не водится. На весь город гремит. Смотри, ночью колеса пробуют – я не виноват.

На этом запас недружелюбия у Ивана попросту закончился. Мрачное выражение едва ли могло долго удерживаться на розовощекой физиономии саранского дозорного. Мне почему-то сразу пришло на ум сравнение с Алешей Поповичем из мультика. Совсем молодой – и внешне, и в Сумраке. Круп-

ный, светловолосый. Светлый Иной шестого уровня Силы. Еще и полицейский.

– Да не смотри ты так, – рассмеялся Иван. – Ну а что? Зато все под боком, уследить проще. Нас тут всего-то двое.

– А Василий Семенович?.. – поинтересовался я.

– Болеет. – Иван неопределенно пожал плечами. – Чудит дед. По старинке лечится, без магии, чаем с малиной. Так что нам с тобой тут все разгребать... Хотя вроде как разгребать-то уже и нечего.

– Однако... – Я стащил перчатку и потряс внушительную лапищу дозорного. – Ну, излагай, коллега. Что же тут такое у вас творится, раз меня гонят за полторы тыщи километров?

– Понимаешь, в чем дело, Саш... – Иван виновато замаялся, словно раздумывая, стоит ли выдавать посланнику из далекого Выборга всю подноготную. – Мы ведь к вам не обращались. Может, и стоило, конечно, но вроде...

– То есть – не обращались? – Я поморщился. – Это как?

– А вот так. – Иван развел руками. – Не отправляли мы никакого письма. Ни я, ни Семеныч. А потом ваш – как его? – позвонил...

– Градов, – подсказал я. – Петр Валентинович.

– Градов, – повторил Иван. – С ним Семеныч разговаривал. Отказываться от помощи не стал, нам неделю назад реально туго приходилось. Но с письмом история темная вышла, сам понимаешь.

Я кивнул. Странное сообщение по электронке. Если его

не отправляли саранские дозорные – то кто? Теоретически – кто угодно. Откуда угодно. Другой вопрос, откуда у этого самого кого угодно личный адрес главы выборгского Ночного Дозора. Но не у Ивана же спрашивать, в самом-то деле. Пусть с загадочными письмами разбирается сам шеф. Моя работа здесь куда конкретнее. И, пожалуй, важнее.

– Ты говорил, разгребать больше нечего, – вспомнил я. – Что изменилось? Детишки сами нашлись?

– Детишки – нет. – Иван понуро опустил голову. – А вот девку Темную мы взяли. Ну... я взял, в общем. С поличным, так сказать.

И без того розовые щеки дозорного стремительно обрели цвет зрелого помидора. Складно выходило: никакого письма как будто и не было, таинственный злоумышленник – а точнее, злоумышленница – поймана местными силами Света. И мне здесь делать нечего. Нечего? Как бы не так.

– Поехали, – вздохнул я. – Показывать свою барышню будешь. Кто такая, откуда?

– Иная. Темная. – Иван развернулся и зашагал ко входу в отделение. – Называет себя Аленой. Регистрационных печатей нет. Даже паспорта обычного нет.

– Уровень Силы? Возраст? – продолжал я допытываться. – Ведьма, вампирша?

– Сам все увидишь. – Иван раздраженно тряхнул головой и взялся за дверную ручку. – Тот еще головняк. Идем.

– В смысле – идем? – Я замер прямо перед входом в отде-

ление. – Она что, прямо...

– Да, прямо тут, – огрызнулся Иван. – А чего ты хотел, Волк? Специальной тюрьмы для Иных у нас не предусмотрено. Инквизиции нет. Что еще делать?

– Ага. Печатей на барышне нет. Паспорта нет. – Я начал загибать пальцы. – Шефа на месте нет. Тюрьмы для Иных тоже нет...

Неудивительно, что местные дозорные мне не рады. И тем более понятно, почему не захотели обращаться за помощью в Москву. Уж Гесер бы за такой бардак всем головы точно поснимал.

– Ну послушай! – Иван вдруг заговорил так, будто бы я уже начал строчить доклад руководству. – У нас тут всю жизнь спокойно было, понимаешь? Тишь да гладь. Иных – три с половиной человека. И наших, и Темных. Все всех знают. Из происшествий – два оборотня подрались из-за официантки в ресторане в сумеречном облике. Год назад. Все!

Уютненький городишко. Болото. Тот самый омут, из которого черти полезли почему-то только сейчас. Мне ли судить местный Дозор?

– Проехали, коллега. – Я махнул рукой. – Веди. Показывай свою пленницу. Не хулиганит?

– Еще как, – проворчал Иван. – И хватит меня коллегой называть. Чекист, блин...

Глава 3

– Свидетель, – коротко бросил Иван, указывая на меня.

Дежурный – худой усатый мужичок с сержантскими погонами – закивал и вскочил из-за стола, словно наше появление его несказанно обрадовало.

– Вань, ты за ней присмотри, ладно? – затараторил он. – Опять... я ей говорю, а она... сам знаешь.

Иван остановился и принялся вполголоса что-то втолковывать виновато переминавшемуся с ноги на ногу сержанту, а я прошел дальше. За дверь, где в полумраке виднелись решетки камер. А еще оттуда ощутимо потягивало куревом. Вопиющее нарушение дисциплины – и что-то подсказывало, что полицейские не имели к этому никакого отношения.

Пленницу бравого дозорного я увидел сразу. Сначала только силуэт, на фоне которого тлел уголек сигареты. И глаза – то ли отражавшие скупой свет маленьких зарешеченных окон, то ли сами по себе поблескивающие в темноте зеленоватыми огоньками. Я не спешил уходить в Сумрак – обостренное зрение перевертыша и так позволяло разглядеть достаточно. Женщина. Молодая. Во всяком случае – физически. Невысокая, изящная, но при этом крепко сложенная. В расслабленной позе – девушка сидела на узком лежаке за решеткой, скрестив ноги по-турецки, спиной к стене – угадывалась сила. Не угловатость работницы склада или

дворничихи, не раздавшиеся плечи пловчихи и даже не вылепленное в погоне за фальшивыми идеалами тело частой посетительницы фитнес-центров. Просто приятная глазу аккуратная мускулатура, которую природа дарит одной женщине из нескольких тысяч.

– Насмотрелся? – произнесла пленница.

Голос у нее оказался под стать внешности. Негромкий, мягкий, но что-то в нем сразу пробирало до костей. От него даже прутья разделявшей нас решетки мелко завибрировали. Почему она вообще заперта здесь? Все, что Иван успел мне рассказать, и до этого звучало нелепо и беспомощно, а теперь и вовсе начало казаться бредом сумасшедшего. В одном я был уверен точно: к исчезновению детей девушка в клетке никак не причастна. И если бестолковый шеф местного Дозора этого не понимает, я могу и сам принять решение...

– Саша.

...как старший из присутствующих по возрасту и уровню Силы. Приказать оформить освобождение – или как оно правильно называется?..

– Саша!

Хотя зачем возиться с чертовыми бумажками? Я же Иной, в конце концов. Маг-перевертыш. Что мне какая-то ветхая решетка? Немного потянуть вот здесь, и дверка откроется...

– Волк! – рявкнул Иван, хватая меня за локоть.

Я пришел в себя от внезапно вспыхнувшего в помещении

света и несколько секунд бестолково пялился на железный прут, основательно выгнутый наружу моей собственной ладонью. Морок рассеялся.

– Ого, а ты крепкий, – усмехнулась девушка. – Саша-Волк. Приятно познакомиться. Я Алена. С вашего позволения, мужчины... Глазкам больно.

Она лениво подняла руку, и лампы в камере погасли. Иван несколько раз безуспешно щелкнул выключателем и тихо выругался. Лицо Алены вновь скрывал полумрак камеры, но я уже успел запомнить его до мелочей. Ни огромных глаз, ни длиннющих ресниц, ни голливудской улыбки – ничего такого. Правильные некрупные черты. Крохотный шрам над верхней губой, пара родинок – казалось бы, незначительные детали совершенно обычного лица... хотя обычные лица не врезаются в память за пару секунд. Я отступил на шаг и нырнул в Сумрак. Та же темная камера, та же решетка – только серая, словно на выцветшей за долгие годы старой фотографии. А за ней?

Ничего. Аура Алены тускло поблескивала, скрывая свою истинную сущность за хорошо знакомым гладким рисунком. Ни ярких красок, ни всплесков, ни острых зубцов – главных признаков Силы Иного. Скорее похожая на обычную человеческую, только чуть подвижнее. Но человеком Алена совершенно точно не была. Значит, маскировка. Незамысловатая, небрежная. Я бы даже сказал, вызывающая. Девушка за решеткой не пыталась спрятаться, а будто бы дразнила, откры-

то и нагло проверяя нас с Иваном на прочность. И ни один из нас не мог пробиться сквозь морок, который она сплела без особого напряжения. Обидно. И плохо. Значит, девчонка сильнее нас обоих. И, вероятнее всего, сильнее даже загадочного Василия Семеновича, так не вовремя загремевшего на больничной. Уровень? Возраст? В конце концов, Темная или?.. Нет, не Светлая. Уж точно не Светлая.

– Не шали. – Я погрозил Алене пальцем и вышел из Сумрака. – В чем тебя обвиняют? На каком основании?

Конечно, куда больше меня интересовало другое: кто она вообще такая, откуда взялась в Саранске и что заставляет Иную, способную без особого труда расплавить решетку или сбежать через второй – хорошо, если не третий, – слой Сумрака, отсиживаться в кутузке, развлекая себя невинными забавами с людьми и Иными?

– Это ошибка, дозорный. – Щелчок, и незатушенная сигарета отправилась в угол камеры. – Я не трогала детей.

– Тихо ты! – прикрикнул Иван, но как-то неуверенно. – Саш, я ее взял среди бела дня. С девочкой на руках.

– Она испугалась. Я только хотела успокоить. – Алена поднялась с лежака и шагнула к решетке. – Волк, я не обманываю. Помогите мне.

Интересно как? Перекинуться, выбить решетку и оторвать голову Светлому магу Ивану? Вариантов для силового решения проблемы у Алены хватало и без меня – все-таки мы ей не ровня. Похоже, я уже вступил в какую-то стран-

ную игру, и пока что Алена переигрывала нас вчистую. Аура, уровень, специализация – она уже знала все и про Ивана, и про меня. Если, конечно, хотела знать.

От не самых приятных соображений меня отвлек шум за полуоткрытой дверью. Судя по голосам, доносившимся из коридора, кто-то стремился попасть сюда, в камеру, а кто-то пытался «не пущать». Выходило не очень. Напористый женский голос возвысился и окончательно задавил вялое сопротивление усатого сержанта.

Я никогда не был силен в предсказании будущего, позволявшем Иным разматывать клубок переплетенных линий вероятности. Не смотрел сквозь Сумрак. Законы парных случаев, не случайные случайности, знаки судьбы, логика, в конце концов? Ерунда. Я знал, кто появится в камере. Просто знал. Иногда так бывает.

– Ага. – Лиса аккуратно прикрыла за собой дверь, задумчиво перевела взгляд с Алены на меня, потом на Ивана, потом снова на меня и зачем-то повторила: – Ага. Вон оно как.

– Привет. – Я чуть склонил голову. – На работу, говоришь?

– Десятый канал. – Лиса хлопнула по сумке с фотоаппаратом. – Телесеть Мордовии.

– Таня, ну я же просил, – убито простонал Иван. – За что ты такая... на мою голову?

По идее, настоящие Светлые маги не должны злиться или обижаться. Максимум – огорчаться и разочаровываться. И

сейчас Светлый маг Иван был в высшей степени на Таню-Лису огорчен. И уж точно не в первый раз. Что вообще привело ее сюда? Служебные дела или все-таки личный интерес? Ладно. Теперь у меня хотя бы появился шанс действовать, а не оставаться наблюдателем.

– Здесь поблизости есть кафе или что-то в этом роде? – Я решительно шагнул вперед, загораживая от Лисы и Алёну, и Ивана. – Пусть полиция работает. А у нас с тобой, Таня, обеденный перерыв.

И плевать, что сейчас нет и девяти утра.

* * *

– И куда в тебя столько лезет?

Лиса покачала головой и отодвинула опустевшую тарелку. Я неопределенно хмыкнул и впился зубами в третий чебурек. Поедание мяса не только кое-как подпитывало основательно квадратную после ночной езды голову, но и элементарно давало немного времени для размышлений. Пока Волк кушает – Волк молчит. И думает. К примеру – о чем я вообще собирался расспрашивать новую знакомую. Лиса явно и сама желала услышать ответы, которых у меня, разумеется, не было.

– Кто ты вообще такой, Саша? – Она нетерпеливо тряхнула головой и полезла в карман куртки за сигаретами. – Приехал из Питера и сразу в полицию... По работе?

– А ты как думаешь?

Вопросом на вопрос, ничего лишнего. Несколько секунд – и Лиса сама придумает мне интереснейшую биографию, должность и звание в одной из организаций, которые даже сейчас жители бывшего Союза так не любят называть вслух, предпочитая многозначительно покачать головой и вполголоса добавить: «Из органов».

– Понятно. – Лиса с деланным равнодушием пожала плечами. – Джеймс Бонд на мотоцикле.

– Вроде того, – ухмыльнулся я. – Вхожу в курс дела. Полиция в растерянности. А что скажет пресса?

– Прессу гоняют поганой метлой. – Лиса щелкнула зажигалкой и затянулась. – Вообще-то я думала, ты мне что-нибудь расскажешь. Хотя бы про эту девку.

– Вот как? – Я склонил голову набок. – И что с этой барышней не так?

– Сука она.

Лиса не ругалась – просто давала короткую и емкую характеристику. Я на всякий случай еще раз взглянул сквозь Сумрак. Нет, все-таки человек. Но аура интересная. Сочная. Неудивительно, что она смогла почувствовать в Алене что-то... Иное.

– Знаешь, я никогда особо во всю эту ерунду не верила. – Лиса выпустила клуб густого табачного дыма. – Ну, там, всякие колдуны, вампиры, вурдалаки... Но лучше чем «ведьма» слова не найдешь. Ты бы видел, что она с мужиками дела-

ет. Я позавчера сюда подъехала, смотрю – Ваня идет. – Лиса чуть понизила голос и склонилась вперед. – Странный какой-то. Глаза дурные, улыбка до ушей. Здравуюсь – не слышит. Я спрашиваю – куда? За сигаретами...

– Бывает, – пожал я плечами.

– Он не курит! – прошипела Лиса. – Вообще никогда. Спортсмен. Это он ей купить шел, понимаешь? Что ж такое надо с мужиком сделать, чтобы он... блин, да ей все отделение тапочки в зубах таскает!

Разрыв шаблона в чистом виде. Темная сидит в отделении за решеткой, использует направо-налево воздействия не ниже шестого уровня и даже не пытается сбежать. Почему? Ответ только один: потому что ей так надо. Зачем? Это мне еще предстоит выяснить. По-хорошему, уже давно надо бы звонить Петру Валентиновичу. Но что-то подсказывало, что торопиться некуда. По крайней мере – пока.

– Да уж. – Я потер уставшие глаза. – Странные вещи у вас тут творятся. Дети пропадают, ведьма в клетке...

– Бардак, – безапелляционно уточнила Лиса. – Полнейший. Никогда бы не подумала, что в этой болотине такое бывает. Весь Саранск на ушах стоит.

– В Питере бы то же самое было. – Я отхлебнул из чашки остывающий кофе. – Дети все-таки. Четверо?

– Детей четверо. – Лиса чуть прищурилась, испытующе посмотрела на меня, но потом все-таки продолжила: – Еще недавно парень на дорожных работах погиб. Обычно на та-

кое нас сразу гонят, а тут – тишина. Я по своим каналам узнала, приехала. Оцепление, машин пять точно стояло, и Ваня мрачнее тучи. Еле прорвалась, но тело уже убрали. Хоронили на следующий день в закрытом гробу.

Бардак. Конечно, всякое случается, но из-за обычного несчастного случая полиция кордон не выставляет. Значит, с беднягой из бригады дорожников случилось такое, что никак нельзя было показывать... да вообще никому. Оцепить место происшествия и похоронить как можно быстрее. Мне почему-то сразу представилось тело, изуродованное асфальтоукладочным катком... или зубами оборотня. Это вполне могло объяснять поведение Ивана. Выходит, дозорный рассказал мне не все? Что же Светлый может скрывать от Светлого? И самое главное – почему?

– И в этом тоже обвиняют эту вашу Алену? – поинтересовался я.

– А? – Брови Лисы дернулись вверх. – Ты чего, нет, конечно! Человек такого не...

Лиса осеклась. Наш разговор и так уже постепенно переходил те границы, после которых можно смело начинать обсуждать вторжение инопланетных цивилизаций, мировые заговоры, загадки древних городов майя или колдунов и ведьм. И если насчет достоверности первых трех пунктов у меня имелись серьезные сомнения, то самый настоящий колдун – точнее, маг-перевертыш – сейчас сидел напротив Лисы. Но для нее Иные – сказки, вымысел, байки, годные разве что для

печати в копеечных желтых газетенках. Лиса впервые столкнулась с чем-то, что не могла объяснить, и здоровый скепсис девушки из Санкт-Петербурга уже уступил любопытству и профессиональному чутью журналиста. И все же она еще не была готова поделиться своими мыслями с едва знакомым мужиком из непонятной организации. Но я мог ей помочь – совсем чуть-чуть, многого здесь не надо.

Я на мгновение прикрыл глаза и легонько коснулся Лисы Силой. Что же там у тебя, рыжая-хвостатая? Усталость, тревога, но страха почти нет. Любопытство. И желание докопаться до истины. Надо же. Я уже давно отвык видеть в людях что-то настоящее. А в Лисе оно было. Нет, конечно, мелькало и другое – блестяще завершенное расследование, публикация в серьезном издании, а не в местной прессе, приглашение от питерского или даже столичного телеканала, успех, слава... Тебе ведь совсем не хочется провести остаток жизни здесь, в Саранске, Лисичка. Но не это же так важно, верно? На риск и вечные туманы от начальства и полиции ее толкало само желание узнать правду. Оно было целью, а не средством. Да! Лиса нуждалась в помощи – точно так же, как и я. Достаточно лишь немного доверия.

– Что такое? – Я протянул руку и аккуратно взял тонкие девичьи пальцы. Физический контакт не обязателен, но мне всегда было проще работать так. От крохотного импульса Силы зрачки Лисы расширились. Не перестараться бы... – Чего ты боишься? Расскажи, что случилось на дороге. Меня

отправили сюда со всем этим разобраться.

– Разобраться... – медленно повторила Лиса.

А потом вдруг резко отдернула руку. Ее чашка с кофе опрокинулась, и по скатерти расползлась ароматная темно-коричневая лужица.

– Какого?.. – Лиса вскочила и рванула со спинки стула лямку фотоаппаратной сумки. – Саша! Мне... Я пойду. Еще увидимся!

Когда Лиса выбежала на улицу и хлопнула дверью, я не выдержал и громыхнул по столу кулаком, заставив хозяина заведения испуганно съежиться. Черт! Зачем нужно было лезть девочке в голову? Еще полчаса – и она бы мне все рассказала и так. Любая магия, связанная с сознанием, – сложнейший инструмент, отрывать руки и ноги боевыми заклинаниями куда проще. С моим позорным умением не стоило и пытаться – но нет, полез... Баран! Упертый и тупой баран, а не Волк. Я откинулся на спинку стула. Вот так Лиса. Почувствовала, заметила. И сбежала – теперь и на километр ко мне не подойдет! А мне остается только попытаться выпытать все у Ивана. Если расскажет. Саранск явно не спешил делиться своими тайнами.

* * *

– Ну, заходи. – Иван отступил, освобождая мне путь к узкой двери. – Гостем будешь.

Я кое-как протиснулся мимо здорового дозорного и ввалился в прихожую. Доисторический советский шкаф – махина из прессованного дерева – почти подпирал невысокий потолок и занимал едва ли не половину от общего пространства, и мне пришлось немислимо скрючиться, чтобы стащить ботинки.

– Ты особо не топай, мои спят уже, – прошептал Иван. – Проходи на кухню, выключатель справа. Я сейчас.

Спят, уже все спят. Только два Светлых мага весь день на ногах. Удивительно, как быстро может пролететь половина суток, если ты не только Светлый дозорный, но и лейтенант полиции. Я попробовал было немного покататься по городу, но потом плюнул и намертво засел с Иваном в отделении на Степана Разина. Не потому даже, что мне не хотелось оставлять его одного с Темной. Просто так. Алена вела себя спокойно, но я старался больше не смотреть в ее сторону и вообще поменьше заглядывать в камеру. Попробуй она выбрать-ся, ни я, ни Иван не стали бы серьезной помехой, а попадать под действие ее дурмана мне больше не хотелось. Сидит – и хорошо. Что-то подсказывало мне, что это вряд ли надолго. Так что я пользовался временным затишьем и то вполглаза дремал, развалившись на стуле в коридоре, то бегал на улицу курить, то безуспешно пытался выцепить Ивана из круговорота полицейской службы. Закончил он в десять с лишним вечера, и только тогда я узнал о местном Дозоре еще кое-что. Ни как такового офиса, ни тем более гостевых комнат или

квартир у Светлых Саранска не имелось в принципе. Все, что мог предложить мне Иван, – номер в дешевой гостинице или раскладушку на кухне. Оплачивать мне гостиницу ему пришлось бы, вероятнее всего, из собственного кармана, так что я без колебаний выбрал второе. Не только из соображений экономии. Может быть, в родных стенах Иван станет хоть немного разговорчивее.

В Сумраке его квартира выглядела куда приятнее. Ни мха, ни остаточных следов Силы или неприятных эманаций, просачивающихся из самых глубоких слоев. Такое куда чаще встречается в старых домах. Сильный маг может без труда вычистить ауру здания, но запах все равно остается. И в обычном мире, и в Сумраке. Залежавшаяся злоба, подгнившая зависть, рассыпающееся в труху уныние давно усопших обитателей – их может учуять только перевертыш. Но здесь, в двухкомнатной квартире на окраине города, этого не было. И хорошо, что не было.

За полупрозрачной – новостройка еще не успела как следует закрепиться на первом слое Сумрака – стеной виднелись три расплывчатых мерцающих силуэта. Самый яркий и крупный медленно плыл по коридору в дальнюю комнату. Иван. Еще один, чуть поменьше, но почти не уступающий дозорному по насыщенности красок, оставался неподвижным. Жена. Не Иная, человек. Хорошая девушка. Очень добрая. Спит, а рядом – дочка. Три с небольшим года. Крохотное пламя, спокойное, но сильное. Кто знает, может, через

пару лет в нем расцветут краски, присущие неинициированному Иному. Седьмой или шестой уровень Силы, вряд ли выше, но все же – будущий союзник. Или будущий враг. Фигура в дальней комнате уже начала тускнеть. Мать, пенсионерка. Человек. Я тяжело вздохнул и вынырнул из Сумрака за мгновение до того, как Иван шагнул на кухню. Но, видимо, меня все-таки выдали глаза.

– Саш, меня всего пару лет назад инициировали. – Могучие плечи Ивана понуро опустились, будто он пытался в чем-то передо мной оправдаться. – Галка тогда уже беременная ходила...

Я молча кивнул. Иные могут жить долго, практически вечно. Нам не страшны ни болезни, ни бандиты, ни курсы валют. Боевые заклинания защищают нас от Темных, мы не боимся не найти на привычном месте припаркованную машину или стать жертвой мошенников. Но даже самому Гесеру не дано подарить долголетие Иного близким людям. У Ивана есть жена и дочка. Своих я давно потерял. Страшно, бесповоротно и неожиданно. Что мне оставалось делать? Выучиться, подчинить свой сумеречный облик, стать дозорным. Каждую ночь противопоставлять злобе и голоду Темных свой голод и свою злобу, свою ярость белого цвета. У меня осталась месть. А что останется у Ивана, когда его родные состарятся и уйдут туда, откуда нет возврата? Иные рождаются редко, один на десять тысяч. Но тех, кому удастся перевалить столетний рубеж, меньше в несколько раз. Несчаст-

ные случаи, запущенные болезни и самоубийства всегда выкашивали ряды молодых Иных. И Светлых, и Темных. И это всегда списывали на низкий уровень Силы или недостаток опыта. Но я не раз задумывался – а многие ли из нас действительно могут стать *настоящими* Иными, прожить жизнь неизмеримо более долгую, чем человеческая, потерять всех, кого знал и любил? Что бы стало со мной, если бы Лика и Маришка прожили до глубокой старости рядом с вечно молодым мужем и отцом?

– Не знаю, Саш. – Иван пытался ответить на вопрос, который я никогда не стал бы задавать. – Это ведь еще не скоро все, сам понимаешь... А давай... А давай водочки, а?

Я не стал возражать. Уж не знаю, кому оно сейчас было нужнее – то ли Ивану, то ли мне самому. Почему бы и нет. Тем более что разговор предстоял серьезный. Пока я сражался с древней скрипучей раскладушкой, Иван успел не только разлить по рюмкам «Столичную» из запотевшей бутылки, но и раскидать по столу нехитрую закуску. Колбаса, огурцы, хлеб и вареная картошка из холодильника – более чем достаточно для двух усталых полуночников.

– За Дозор! – Я поднял рюмку. – Спасибо, что приютил, Вань.

– Да ты чего, ерунда, – отозвался Иван. – За Дозор.

Традиционный первый тост. Но теперь все формальности соблюдены. Я решил начать с вопроса в лоб:

– Что случилось на строительстве дороги? Почему не ска-

зал?

Иван недовольно крикнул, отставил рюмку и потянулся за колбасой. На мгновение на его лице мелькнуло раздражение, тут же сменившееся тоскливой обреченностью.

– Да я сам ничего не понимаю. – Он покачал головой. – Может, вообще не по нашей части. Но в газеты такое точно нельзя, а Танька... как всегда. Заноза.

– Что там было? – Я слегка возвысил голос. Конечно, я Ивану не начальник и вообще в Саранске на птичьих правах, и все же сейчас во мне почему-то росла уверенность в том, что я могу не просто спрашивать, но и требовать ответа. Иван прекрасно знал, что случилось с тем парнем. Знал – но хотел отмолчаться. – Вань, что ты видел?

– Тело видел, – огрызнулся Иван. – В паре метров от грузовика с асфальтом лежал. Здорово порвали. Волки, наверное, или медведь.

– Рядом с грузовиком?! – Я почему-то сразу представил себе здоровенную железную махину, за километр воняющую дымом, бензином и подогретым гудроном. А если она еще и громыхает двигателем... волк и близко не подойдет. Волк. А вот оборотень – может. – И часто у вас тут такое? Часто волки нападают на людей?

– Не часто. – Иван вжался в спинку стула и будто бы разом стал вдвое меньше. – Но старики говорят, в начале девяностых бывало...

– Сколько в Саранске зарегистрированных оборотней? –

Я нажал на слово «зарегистрированных». – Я утром видел четырех.

– Семеро, – с явной неохотой выдавил Иван. – Саш, это не они. Я наших всех знаю, хорошие ребята. С одним еще в школе вместе учились.

Под ключицей стрельнуло. Я по привычке склонил голову набок, пытаюсь унять боль. Когда-то давно это помогало – тогда болели разорванные мышцы и связки. Сейчас болело то, что вылечить уже невозможно.

– Они оборотни, Светлый! – Я еле удержал себя от того, чтобы вскочить со стула. – Хорошие ребята не едят людей по лицензии.

– Трое вообще от лицензий отказались. – Иван тяжело вздохнул. – Саш, ну не могли они...

– Могли, – отрубил я. – Или они, или заезжий гастролер. Почему ты их защищаешь, Ваня? Они Темные!

– А ты что бы стал делать?! – взорвался Иван. Потом втянул голову в плечи, прислушиваясь, не проснулись ли родные, и продолжил уже шепотом: – Саша, у нас тут не Питер. Все свои. Вадим меня еще пацаном помнит. А Серега и Катя сами у меня, считай, на руках выросли. Обычные ребятнишки. Веселые, здоровые, крепкие, родители хорошие. Их судить, Саша? Их ловить?! Даже Семеныч...

– Ловить и судить! – рявкнул я. – Вы – дозорные, Ваня. Вы не имеете права закрывать глаза на такое. И я не имею, понимаешь?

– Да понимаю я, понимаю, – ответил Иван уже спокойнее и тут же разлил по второй. – Саш, мы с Семенычем не такие уж колхозники. Я приглядывал за Темными, это моя работа. Поверь, очень маловероятно, что это кто-то из местных. Трое, как я уже говорил, вообще не охотятся. У четырех лицензия на этот год еще не закрыта.

– Тогда надо искать того, кто не зарегистрирован в Саранске. – Я одним махом опрокинул рюмку. – Или новообращенного. Больные старики, дети, супруги кого-то из семейных...

– Саша, что у тебя с глазами? – тихо спросил Иван. – Ты... ты поэтому Волк, да? Волк?

– Поэтому, – буркнул я, опуская взгляд. – Давай не будем, ладно? Спать охота.

– Спать так спать. – Иван пожал плечами и поднялся. – Я тебя понял. Будем работать... Волк. Попробуй завтра заглянуть к Петровичу, он как раз недалеко от того места, где дорогу делали, живет, за Атемаром. Я тебе утром на карте покажу, не промахнешься.

– Что за Петрович?

– Сам увидишь. – Иван хитро улыбнулся. – Очень умный мужик, много чего расскажет. Тебе понравится.

– Что-то слабо верится, – вздохнул я, устраиваясь на раскладушке. – Ладно, заглянем к этому вашему Петровичу.

Расспрашивать почему-то не хотелось. Меньше знаешь – лучше спишь. А я не спал уже сутки с лишним.

Я не сразу понял, что меня окружает. Темнота, чернота, в которой видны лишь силуэты и светящиеся прямоугольники. За всем этим угадывалось что-то знакомое, близкое, но словно прикрытое невидимой, но почти осязаемой пленкой. Мало света, почти нет запахов, и шуршание асфальта под подошвами тихое, будто бы мои ноги вдруг удлинились настолько, что я слышал его издалека. Так не бывает.

Бывает! Но со мной это было так давно, что я успел забыть, как выглядит ночь.

Не глазами Волка.

Даже не глазами обычного Иного, не перевертыша.

Глазами обычного человека.

Я будто бы сразу лишился двух третей чувств, к которым успел привыкнуть настолько, что они уже казались чем-то самим собой разумеющимся. Слеп и оглох. А обоняние, убогое и жалкое человеческое обоняние выхватывало из налетавшего порывами ветра лишь запах сырости, слегка разбавленной бензином.

Но по-настоящему страшно мне стало, только когда я не смог поднять с асфальта собственную тень. Она все так же лежала под ногами мокрой тряпкой, плоская и неподвижная. Кто-то или что-то напрочь отрезало меня от Сумрака. Я оказался в незнакомом месте. Одинокий, лишенный Силы, по-

чти слепой и беззащитный. Почему? Или лучше будет спросить – для чего? Разумеется, неприятности не могли заставить себя ждать.

Хриплый вой, от которого левое плечо скрутило привычной болью, раздался совсем близко. Тот, кто ничего не знал о Сумраке, серой подкладке мира, и его обитателях, мог бы успокоить себя мыслями о голодной бродячей собаке. Но собаки так не воют. В незнакомом мне безликом городе шла охота. И охотились не на меня. Тусклые фонари лишь кое-как подсвечивали обочину дороги, по которой не спеша шагала девушка в короткой серой куртке. Мне на мгновение показалось, что я уже встречал ее раньше. Только где? Одна – ни машин, ни других прохожих. Конечно, вервольфы выбрали ее. Моложе, слабее и уж точно вкуснее. А меня вообще не должно было быть здесь. Еще не поздно... спрятаться?

Я тихо выругался сквозь зубы и резко дернул головой вправо. Боль чуть отступила – не ушла насовсем, но сдалась воле, возвращая мне силы. Телефон пропал, но нож оказался там же, где и всегда. Десять сантиметров стали против немыслимо быстрых и могучих зубастых тварей, способных исчезать в Сумраке. Нож, приученные к боксу мускулы и упертая уверенность в том, что бывших дозорных не бывает. В том, что даже сейчас я не имею права просто спрятаться. Похоже, мне с минуты на минуту представится возможность проверить, на что я гожусь без Силы Иного. Разбираться с причиной ее пропажи буду уже потом... если буду. Я рыв-

ком застегнул ворот куртки и побежал. Теперь, когда в моей голове имелось что-то отдаленно похожее на план, стало чуть-чуть легче. Догнать девчонку, утащить с улицы и попробовать дожить до утра. Все вопросы – потом.

– Стой! – крикнул я. – Подожди!

Девушка на мгновение замедлила шаг и обернулась. Я не смог разглядеть лицо – только губы. Она улыбалась. Улыбалась и шла дальше, нисколько не испугавшись ни орущего на всю улицу мужика в мотоциклетной куртке, ни лупившего по ушам волчьего воя. Стая приближалась.

– Твою ж... – выдохнул я. – Да подожди ты!

Видимо, сама природа не наградила меня умением бегать за женщинами. Разделявший нас десяток метров словно растягивался, заставляя нестись все быстрее. И откуда это дурацкое чувство, что я ее знаю?! Она все так же не торопясь шагала по обочине, но все так же оставалась недосягаемой. Сколько времени прошло до того, как я начал выдыхаться? Минута? Пять? Десять? Серая куртка мелькала перед глазами. То почти теряясь в темноте, то вдруг оказываясь так близко, что я, казалось, мог дотянуться до нее кончиками пальцев.

– Зараза... – прохрипел я, в очередной раз сворачивая за угол.

Но девушки там уже не было. Улица вновь изменилась, полностью погрузившись в темноту, в которой на уровне крыш мерцала луна... Две луны? Луны?!

От раскатистого рева задрожала земля. Отовсюду зазвенело, и мне за шиворот посыпалась стеклянная крошка. Окна... Я на мгновение застыл, пытаюсь хотя бы примерно представить чудовищные размеры твари, которая могла обладать такой глоткой и глазищами, а потом бросился назад, вслепую шаря по стене в поисках хоть какого-нибудь укрытия, хоть какой-нибудь щели, в которую можно было бы забиться. Повезло почти сразу. Не заперто. Я захлопнул за собой тяжелую железную дверь и привалился к ней спиной, до боли в костяшках сжимая бесполезный нож. Что-то грохотало. То ли хрупкие каменные стены, сокрушаемые чудовищем. То ли мое собственное сердце. А потом стало тихо.

– Ну что, набегался?

Наверху зажегся свет. Я стоял у подножия длинной – в два-три обычных пролета – лестницы, которая заканчивалась открытой дверью. Знакомый голос звучал устало и немного сердито. Петр Валентинович был чем-то недоволен.

– Поднимайся, не тяни, – снова заговорил он. Громко, так, чтобы я точно услышал снизу. – Что там у тебя стряслось?

Что за?.. Я на всякий случай прислушался. Снаружи было тихо. Черная тварь ушла? Или шеф каким-то немислимым образом смог выдернуть меня из ее пасти? Я торопливо поднялся по ступенькам и через мгновение оказался в до боли знакомом месте.

Кабинет Петра Валентиновича, располагавшийся на третьем этаже дома номер семь по Крепостной улице, не отли-

чался большими размерами, и все же я всегда считал его скорее уютным, чем тесным. Антикварная мебель – гигантский письменный стол, шкафы и книжные полки из темного дерева – почти не оставляла места для посетителей, но не давила, а скорее успокаивала своей вальяжной массивностью. Здесь сбивчиво тараторить, вытирая со лба холодный пот, было бы настоящим кощунством. Кабинет, как и сам шеф, не терпел суеты. Петр Валентинович восседал в высоком кожаном кресле и выглядел точно так же, как и всегда, – аккуратным, неторопливым и будто бы даже немного скучающим.

– Не могу войти в Сумрак, – начал я. – И, кажется, я видел снаружи что-то...

– Не отвлекайся. – Шеф снял очки и аккуратно положил их на стол перед собой. – Давай по существу: что по Саранску?

Там, на улице, все происходило так быстро, что я не успел даже толком подумать – а что за чертовщина вообще творится? Теперь вопросы навалились на меня сразу и кучей. Что было снаружи? Почему я потерял способности Иного? Кто та девушка и откуда я ее знаю? Как я, черт возьми, перенесся из Саранска в Выборг? И почему шеф выглядит так, будто ничего из ряда вон выходящего и вовсе не случилось?

– Саранск, – напомнил Петр Валентинович. – Рассказывай. Что там творится такого, что мне пришлось заявиться сюда?

– Сюда? – тупо повторил я и шагнул к окну.

Невысокий дом напротив и мостовая внизу. Не асфальт – камень. Так вот – их не было. Вместо привычной Крепостной улицы между тяжелыми шторами проглядывал серый асфальт широкой – в четыре полосы – дороги, в обе стороны запруженной автомобилями, за которыми я кое-как смог увидеть подземный переход, вывески и знакомую букровку «М». Каменноостровский проспект, метро «Петроградская» – услужливо шепнула память. И тут же издевательски добавила: город Санкт-Петербург.

– Саша, не смотри по сторонам, – проворчал шеф. – Времени мало. Саранск.

– Дозорные поймали Темную, – на автомате отрапортовал я. – Без паспорта, без регистрации, без печатей. С виду лет двадцать – двадцать пять. Не местная. Уровень Силы неизвестен, маскируется. Точно выше четвертого, скорее всего – выше третьего. Сильный телепат. Заперта в отделении полиции, бежать не пытается. На дорожных работах убит человек, на теле следы зубов. Думаю, гастролер или нелегальная инициация. Дети скорее всего тоже его рабо...

– Опять твои оборотни, Волк, – скривился шеф. – Вот чуял – нельзя тебя отправлять, точно во что-то вляпаешься... Ты уже проверял кого-нибудь из местных?

– Еще нет, собирался.

– Не собирайся. – Петр Валентинович сцепил руки в замок. – Саша, не высовывайся. Не надо обвинять низших Темных в любом сомнительном событии. А вот девчонка... –

Шеф вздохнул. – Девчонка – это уже серьезно. Возьми на контроль. Я постараюсь прислать кого-нибудь.

– Ладно, – буркнул я. – Петр Валентинович, может, все-таки объясните мне, что происходит? Где мы? Что со мной такое? И что я видел на улице?

– Что с тобой? Хм-м... – Шеф забарабанил пальцами по столешнице. – Похоже, тебя пробивает на предвиденье. Некая опасность. Хотя все может быть и куда проще. Погоня за женщиной – это... вполне естественно в твоём возрасте. Старик Фрейд был бы доволен.

– Чего? – Я мотнул головой. – Так вы все видели? Это...

– Да не знаю я. – Шеф откинулся на спинку кресла, давая понять, что аудиенция окончена. – Как говорится, иногда банан – это просто банан. И потом, это же твой сон, Волк.

* * *

Глаза разлепились с трудом. Я с кряхтением сел на раскладушке. Плечо болело так, будто его снова основательно погрызли. Значит, сон. И не простой – раз уж Петр Валентинович почувствовал его за полторы тысячи километров. Мое подсознание основательно тряхнуло Сумрак. Но что это все-таки было? Обычный испуг? Еще одно предупреждение – подобное тому, что я получил от Хены по дороге в Саранск? Или я действительно уже успел отвыкнуть от оперативной работы? Чертовщина. Что-то куда более сложное и мерзкое,

чем браконьерствующие вервольфы. И банальным отгрызанием голов здесь не обойтись.

– Уже проснулся?

Вид у Ивана был заспанный и недовольный. Впрочем, мне тоже больше не хотелось злоупотреблять его гостеприимством. Пора навестить загадочного Петровича.

– Ага. Поеду. – Я поднялся и с хрустом размял затекшие мышцы. – Показывай свою карту.

Глава 4

– Избушка-избушка, – пробормотал я.

Впрочем, дом то ли лесника, то ли просто отшельника Петровича выглядел если не современно, то по крайней мере ухоженно и аккуратно. Небольшой сруб, обшитый вагонкой, оказался выкрашен в темно-зеленый, и я чуть не промахнулся мимо него, когда съезжал с асфальта на грунт. Из полуоткрытого окна аппетитно потягивало жареной картошкой, и у меня тут же предательски заурчало в животе. Хозяин был дома и, похоже, собирался плотно позавтракать.

– Есть кто живой? – позвал я, стаскивая с головы шлем.

– От твоего мопеда и мертвый проснется. – Дверь распахнулась. – К нам едет ревизор?

– Твою ж мать, Ваня, – пробурчал я себе под нос. – Удружил так удружил...

Внешне Петрович оказался именно таким, как я и ожидал. Невысокий, но коренастый мужичок лет пятидесяти с гаком. Бритая под машинку голова, очки-хамелеоны, прокуренные седые усы, зеленая футболка, заправленная под офицерский ремень с потемневшей латунной пряжкой, армейские штаны выцветшей почти добела расцветки «флора» и вечные динамовские кеды. Воображение тут же дорисовало ружье на стене, берцы, столитровый походный рюкзак и куртку-«энцефалитку». То ли таежный житель, то ли егерь, то ли гео-

лог, застрявший где-то в семидесятых годах прошлого века. Внешне.

Вероятнее всего, в этих самых семидесятых он уже давно выглядел точно так же. Иные не стареют. И оборотни, разумеется, не исключение – вот только их вечность неизменно оплачивается чужими жизнями.

– Зачем пожаловал, гость дорогой? – поинтересовался Петрович.

– Дело есть. – Я поднялся с сиденья. – Вопросы. Важные и срочные.

– И кто тебе сказал, Светлый, что я буду отвечать?

Петрович улыбнулся. Мягко и будто бы даже дружелюбно. Но я слишком хорошо знал, как быстро улыбка вервольфа превращается в звериный оскал. Старый и опытный волчара несколько меня не боялся. В схватке клыков и когтей не всегда побеждает сила, и даже преимущество в скорости и массе тела ничего мне не гарантирует. В ауре Петровича почти не просматривалась типичная для оборотня ярость, прямолинейная и глуповатая. Спокойствие, сосредоточенность и уверенность. Опасный боец, матерый, и таких, как я, на завтрак ел. Но остановиться я уже не мог.

– Будешь отвечать. – Я чуть согнул колени, готовясь принять сумеречный облик. – По вашей части дело.

– Молод еще на меня рычать. – Петрович вздохнул и покачал головой. – Конечно, куда нам, серым, сермяжным, до вас, городских. С нами ведь здороваться не положено, пред-

ставиться не обязательно – сразу требовать.

– Саша, – буркнул я.

Уел меня Петрович, как есть уел. Умный, зараза, простаком только прикидывается. И не похож на других местных оборотней. Вообще на оборотня не похож, если вдуматься. Было в нем что-то такое – неторопливое, мудрое, и хорохориться уже не хотелось. Даже осознание того, что за свою нечеловечески долгую жизнь Петрович наверняка сожрал не один десяток людей, не вызывало привычного желания вцепиться в глотку. Старший. Конечно, не Хена, даже близко не Хена, но я по сравнению с ним пацан. Глупый и зеленый, которого даже наказывать не за что. Только чуть пожурить – и за дело, тут не поспоришь. Поэтому даже обидеться на Петровича у меня так и не получилось.

– Семецкий Юрий Петрович. – Оборотень спустился со ступенек и протянул мне руку. – Можно просто Петрович. Дневной Дозор города Саранска. Генеральный директор. Он же уборщица.

Сначала мне захотелось заехать в лоб Ивану. Потом – самому себе. Сразу вспомнилась старая поговорка про свой устав и чужой монастырь. Мне в очередной раз напомнили – здесь тебе не Питер и не Выборг. Светлый маг Иван ограничился безобидной шуткой, а вот глава Дневного Дозора мог наказать и посерьезнее. Хотя бы за то, что я не отметил в городе в первый же день. Оборотень... И похоже, вообще единственный сотрудник. Впрочем, стоило ли удивляться?

В Ночном Дозоре Саранска всего двое, а мало-мальски способный Темный маг уж точно не захотел бы сидеть в этой глуши.

– Саша, – еще раз представился я, крепко пожимая ладонь Петровича. – Прибыл для временного усиления местного Ночного Дозора.

– Пойдем, Саша. – Оборотень шагнул обратно на крыльцо. – Запишемся и завтракать будем. Не знаю, как у вас, а у нас голодным никто не уходил.

Внутри домик Петровича, он же офис Дневного Дозора Саранска, оказался куда просторнее и больше, чем выглядел снаружи. Почти треть его занимала печка, сложенная не из привычного кирпича, а из камня. Я был готов поспорить, что ее – как и добрую половину убранства жилища – хозяин сделал сам, своими руками. Может быть, сто лет назад или того больше. Вместо обоев стены покрывала та же вагонка, что снаружи, но не крашеная, а пропитанная олифой или чем-то в этом роде. Из нового в доме были только огромный плоский телевизор и электрический чайник. Все остальное – от потемневшей от времени мебели до древней, но вычищенной добела электрической плиты – запросто бы нашло себе место в каком-нибудь музее советской эпохи. Но все-таки почтенный антиквариат выглядел именно вещами, рабочими и надежными, а не мертвой рухлядью, к которой было страшно прикоснуться. Повинуясь жесту Петровича, я придвинул стул чуть ближе к столу и сел.

– Сейчас еще яичницу сделаю. – Нож в руках оборотня мелькал, превращая луковицу в аккуратные полукольца. – Вон ты какой здоровый, картошки на двоих не хватит.

– Угу, – я рассеянно кивнул, – спасибо.

Сейчас меня мало волновали этические вопросы в духе «может ли Светлый маг принимать еду из рук оборотня?». Пока Петрович возился со сковородками у плиты, я мог повнимательнее рассмотреть его жилище. В конце концов, парень из дорожной бригады был убит всего в паре километров отсюда.

Про ружье я, кстати, почти угадал. На стене между окнами висела винтовка. Не какой-нибудь модный «Ремингтон» с цейссовской оптикой, которыми так любят щеголять новоиспеченные охотники, на две трети состоящие из топ-менеджеров, а старая кавалерийская «мосинка». Нет, даже не так. *Очень старая «мосинка»* – и ложе, и ствол были до блеска отполированы руками владельцев... или все-таки одного владельца? Я еле удержал себя от того, чтобы получше исследовать древнее оружие в Сумраке.

– Хорошая вещь. – Петрович перехватил мой взгляд. – Еще из старых, я в девяносто девятом раздобыл. Те, что после пятого года делали, после ста выстрелов выбрасывать можно. Металл – дерьмо.

До меня даже не сразу дошло, что кухарствующий в паре шагов от меня оборотень имел в виду совсем не тот девяносто девятый, который я и сам неплохо помнил. Надо же. Стар

волчара. Может быть, даже суперстар.

– Давай еще раз. – Петрович уселся напротив и грохнул по столу тяжелой тетрадью с пожелтевшей картонной обложкой. – Имя, возраст, род занятий... и так далее. У нас тут по старинке, без этих ваших печатей.

– По старинке так по старинке. – Я ковырнул вилкой картошку. – Шаров Александр Валерьевич, тысяча девятьсот семьдесят первого года рождения. Светлый маг четвертого уровня, командирован из Выборга для усиления Ночного Дозора города Саранска.

О своем не самом легальном статусе сообщать я, понятное дело, не стал.

– Далеко тебя занесло. – Петрович присвистнул и снова заводит по бумаге ручкой. – Ага... Перевертыш, сумеречный облик – волк. Так?

– Верно, – проворчал я.

И уже без всякого стеснения уставился на Петровича через Сумрак. Да, старый. Да, умный. Но уровень Силы соответствует... ну, хорошо, если пятому. С натяжкой. Ауру Светлого я не скрывал, но разглядеть остальное смог бы не любой маг до второго уровня включительно. Зараза.

– Знаю я, по какому ты делу, Светлый. – Петрович отложил журнал в сторону. – Дети. Тут не только Ваня за голову взялся. Я сам своих прошерстил. И если бы узнал, что это они, – лично бы... – Оборотень чиркнул пальцем по горлу. – Без Трибуналов, без протоколов. Веришь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.